В. Ф. БУТУРЛИНОВ, Г. К. ПЛОТНИКОВ,
В. В. ЧУБАРОВ

О СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ

ПРАВДА И ПЕКИНСКИЕ ВЫМЫСЛЫ

ИНСТИТУТ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

В. Ф. БУТУРЛИНОВ, Г. К. ПЛОТНИКОВ,
В. В. ЧУБАРОВ

О СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ

ПРАВДА И ПЕКИНСКИЕ ВЫМЫСЛЫ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1982

ББК66.4(4/8)5 Кит
Б93

Б $\frac{11101-125}{068(02)-82}$ БЗ-94-10.81.0801000000.
БЗВ № 20 — 1980 г. — № 1 © Воениздат, 1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международные события за последние 20 лет со всей очевидностью показали авантюризм маоистского руководства Китая, реакционную сущность его внешнеполитических концепций. Перейдя с позиций антиимпериализма к союзу с империализмом и реакцией, Пекин превратился в активную силу, противодействующую поступательному развитию человечества к миру, свободе и социальному прогрессу.

В 1945 г. ударная сила империализма — германский фашизм и японский милитаризм — потерпела сокрушительное поражение во второй мировой войне. Главную роль в их разгроме сыграл СССР. После войны социализм вышел за рамки одной страны. В целом ряде стран Европы и Азии произошли кардинальные социально-политические преобразования, образовалась социалистическая система, в которую вошел и Китай.

С помощью СССР и других социалистических стран в Китае были заложены основы нового общества, проведены демократические преобразования. Многое сделано для восстановления народного хозяйства, созданы новые отрасли в промышленности, проведено кооперирование сельского хозяйства.

На международной арене руководство КНР выступало в защиту мира, проводило согласованную с другими социалистическими странами миролюбивую политику. В Дек-

ларации Бандунгской конференции (1955 г.), под которой стоит и подпись представителей КНР, говорится, что все страны должны проявлять терпимость и жить в мире друг с другом, как добрые соседи, а межгосударственные отношения должны строиться на принципах уважения суверенитета и территориальной целостности всех стран, воздержания от интервенции и вмешательства во внутренние дела другой страны, от актов или угрозы агрессии или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны.

На Бандунгской конференции была заложена основа единства афро-азиатских стран в борьбе против империализма и колониализма. Активное участие в ней Китайской Народной Республики показывало ее прогрессивную, отвечающую интересам человечества роль в проведении политики, направленной на сохранение мира и невмешательства во внутренние дела других государств.

Однако националистическая часть китайского руководства во главе с председателем ЦК КПК Мао Цзэдуном уже давно вынашивала гегемонистские, великодержавные планы. Она старалась изнутри подорвать единство революционных сил в мире, пыталась использовать Бандунгские принципы в целях отрыва революционного и национально-освободительного движения от стран социализма, и прежде всего от СССР, имея целью в дальнейшем подчинить себе развивающиеся страны.

На закрытых совещаниях китайских кадровых работников упорно проводилась мысль о том, что СССР совершает слишком много ошибок и что вскоре КНР должна возглавить все революционное движение. Втайне от своего народа и от мировой общественности группировка председателя ЦК КПК начала подготавливать почву для выдвижения претензий на руководство миром. Именно в первое десятилетие в КНР стала проводиться рожденная при гоминьдановском режиме «картографическая агрессия» — курс на вмешательство во внутренние дела соседних государств. Но все это делалось тайно, завуалировано. Несмотря на все усилия, Пекину не удалось ни встать во главе социалистических стран, ни оторвать развивающиеся страны от социалистических государств и возглавить движение неприсоединения. Советский Союз прочно стоял во главе сил мира и прогресса, и это сделало его врагом маоистов с их претензиями на руководящее положение в мире, на захват и порабощение других народов.

Мао Цзэдун и его окружение предприняли попытку развязать военный конфликт, втянуть СССР в войну с США, рассчитывая, что в результате уничтожения в войне или даже резкого ослабления двух наиболее развитых держав Китай сможет стать лидером и диктовать свою волю всему миру. В 1958 г. Пекину удалось поставить мир на грань войны.

В конце августа — начале сентября 1958 г. китайская артиллерия предприняла интенсивный обстрел прибрежных островов Мацзу и Цзиньмин, где располагалось до 100 тыс. гоминьдановских солдат и офицеров. 6 сентября Чжоу Эньлай выступил с заявлением, в котором подчеркивалось, что освобождение Тайваня и других островов — суверенное право КНР. Поэтому Китай оставляет за собой право применить военную силу для освобождения Тайваня.

Вмешались США. Они послали в Тайваньский пролив 130 военных кораблей, в том числе 7 из 13 имевшихся у них авианосцев, 3 тяжелых крейсера, 40 эсминцев. На остров были переброшены крупные соединения авиации США и формирования морской пехоты Японии и Филиппин. В спешном порядке там были построены площадки для запуска ракет. Командующий американскими войсками на Тайване вице-адмирал Смут публично пообещал «смести» Китай.

Советское правительство выступило тогда в защиту КНР. Оно предупредило, что в соответствии с советско-китайским договором о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г. нападение на КНР будет расценено

как нападение на СССР. В другом заявлении правительство СССР предостерегало против нанесения ядерного удара по территории Китая. Одновременно СССР провел серию консультаций с правительством КНР, в результате чего напряженность в Тайваньском проливе уменьшилась. Так благодаря твердой и принципиальной позиции Советского Союза был предотвращен опасный кризисный момент и начало новой войны, которую пытались спровоцировать китайские гегемонисты.

В конце 50-х — начале 60-х годов китайские руководители предпринимали неоднократные попытки дискредитировать СССР в глазах мировой общественности, открыто заявляли о своем несогласии с политикой КПСС и Советского правительства, указывали, что опыт Советского Союза — это «негативный опыт», что СССР, мол, медленно строит коммунизм и не оказывает должной поддержки революционным движениям, что Советский Союз якобы превратился в «социал-империалистическую» сверхдержаву и проводит агрессивную политику в отношении КНР и других стран.

В развивающихся странах Пекин пытался посеять ненависть к СССР и другим социалистическим странам, поссорить их друг с другом, с тем чтобы потом полностью подчинить их себе. Наибольшего размаха подрывная деятельность китайского руководства достигла в 1967 — 1968 гг., когда в китайской прессе и официальных заявлениях руководители КНР прямо призывали развернуть «широкую народную войну» против правительств соседних стран.

Эта ультралевая националистическая политика, прикрытая «коммунистическими» лозунгами, потерпела полный провал как внутри страны, так и за ее пределами. К началу 70-х годов в экономике КНР царил развал. Заводы и фабрики бездействовали или работали в половину или даже в треть своей мощности. Результатом волюнтаристских социальных мероприятий явился острый недостаток квалифицированных рабочих и инженеров в промышленности. Сельское хозяйство пришло в упадок, количество продуктов на душу населения уменьшилось.

На международной арене Пекин столкнулся со всевозрастающей отчужденностью со стороны многих развивающихся государств. Промаоистские повстанческие движения не смогли одержать необходимых Пекину побед, хотя в ряде стран им удалось расширить контролируемые территории. Ослепленные антисоветизмом и идеей мирового господства, китайские лидеры стали блокироваться с империализмом, на что ушли все 70-е годы. Одновременно ужесточалась антисоветская политика. В поисках путей решения великодержавных, гегемонистских целей китайские лидеры пытаются получить новейшее оборудование, и в первую очередь для военного производства, из капиталистических государств. При этом они предоставляют западному капиталу большие привилегии, которые со временем могут обернуться подчинением Китая империалистическим державам.

Генеральная внешнеполитическая цель и на 80-е годы осталась прежней — завоевание мирового господства. Для этого Пекин укрепляет союз с империалистическими державами, не гнушается фашистским диктатором Пиночетом, расистской ЮАР. Китайское руководство ныне не отказывается и от активной поддержки повстанческого движения. Маоистские мятежники усиливают подрывную деятельность, особенно в тех государствах, которые не желают следовать в фарватере китайской политики.

В последние годы стала все отчетливее проявляться тенденция на координирование и распределение усилий Китая и США в борьбе против революционных и национально-освободительных движений в развивающихся странах. Однако как США, так и КНР стремятся толкнуть своего «союзника» на вооруженный конфликт с СССР, а самим остаться в стороне. Это приводит к тому, что в политике этих двух стран все больше начинает проявляться авантюризм, что несет миру большую опасность. «На антисоветской враждебной делу мира основе, — записано в

Постановлении Пленума ЦК КПСС «О международном положении и внешней политике Советского Союза» от 23 июля 1980 г., — происходит сближение агрессивных кругов Запада, в первую очередь Соединенных Штатов, с китайским руководством. Партнерство империализма и пекинского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества в том числе для американского и китайского народов»[1].

На Земном шаре нет сейчас практически ни одного места, где бы пекинские лидеры не хотели разжечь пожар большой войны. Особенно активны специальные китайские службы у границ Советского Союза или соседних с ним и дружественных ему государств. В течение 1979 — 1981 гг. китайское министерство общественной безопасности совместно с Центральным разведывательным управлением США и разведками ряда реакционных арабских государств готовили и осуществляли бандитские рейды афганских реакционеров из пограничных районов Пакистана и Ирана в Демократическую Республику Афганистан, а также провоцировали кровопролитные мятежи в городах этой страны. Пекин совместно с Вашингтоном стремится установить там реакционный режим, создать базу для усиления провокационной деятельности против СССР. Китайское руководство пытается использовать вмешательство империализма во внутренние дела ДРА в своих гегемонистских целях. В Пекине всемерно подогревают авантюризм самых реакционных кругов США, снова надеясь, что события теперь уже в Афганистане приведут к возникновению глобальной ядерной войны и уничтожению развитых государств, и прежде всего Советского Союза.

Составной частью откровенно экспансионистского курса маоистского руководства Китая на международной арене является его политика в отношении независимой Монгольской Народной Республики. Еще в 1936 г.

[1] Коммунист, 1980, № 10, с. 9.

Мао Цзэдун в беседе с американским журналистом Эдгаром Сноу заявил, что после победы китайской революции МНР автоматически станет частью китайской федерации. В 1945 г., когда Мао Цзэдун и его ближайшее окружение домогалось сотрудничества и помощи США, китайские деятели говорили американским официальным лицам, что они хотели бы присоединить Монголию к Китаю.

Даже после образования КНР и установления официальных дипломатических отношений с МНР Мао Цзэдун и лица из его ближайшего окружения не отказывались от своих аннексионистских намерений в отношении МНР.

В июле 1964 г. в беседе с делегацией социалистической партии Японии Мао Цзэдун снова утверждал, что МНР должна присоединиться к КНР. При этом Мао обрушился на Советский Союз с клеветническими обвинениями в том, будто он «поработил» Монголию, превратил ее в свою «колонию».

Особую тревогу и озабоченность у трудящихся МНР вызывают военные приготовления китайских руководителей, которые создают непосредственную угрозу свободе и независимости монгольского народа. Эта угроза началась с начала 60-х годов с концентрации войск вдоль китайской границы с МНР. С 1969 по 1978 г. китайская военщина более 400 раз нарушала монгольскую границу. Подразделения китайских войск нередко проникали в глубь территории МНР на 15 — 20 км. В приграничных районах демонстративно проводятся военные учения, после 1969 г. их было 250. В связи с усилением угрозы агрессии со стороны КНР в Монголии были восстановлены пограничные войска и по просьбе правительства МНР в страну были введены части Советской Армии.

Китайские лидеры рассматривают большую часть Земного шара как сферу своих интересов. Их конечной целью является установление китайской гегемонии во всем мире. Более 30 лет Пекин осуществляет вмешательство во внутренние дела независимых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Особенно сильному нажиму и шантажу

подвергаются страны, имеющие с Китаем общую границу. Китайское руководство выдвигает территориальные притязания ко всем пограничным государствам, многим из которых они просто отказывают в праве на свою государственность и которые должны, по их мнению, быть просто поглощены «срединным государством». По приблизительному подсчету, общая площадь территорий, на которые претендуют маоисты, составляет 10,4 млн. кв. км, что на 1 млн. кв. км больше территории современного Китая.

Еще в 1949 г., когда только победила революция в Китае и была образована Китайская Народная Республика, в стране стали появляться карты, на которых значительные некитайские территории и даже целые государства были обозначены в границах Китая. На протесты руководителей ряда азиатских стран правительству КНР по поводу публикации этих карт премьер Государственного совета КНР Чжоу Эньлай отвечал, что карты старые, гоминьдановские и что правительство КНР вскоре займется выпуском новых карт. Но это обещание не было выполнено. В Китае издавались новые карты с прежними территориальными притязаниями.

В этом отношении весьма характерна «Краткая история современного Китая», вышедшая в свет в 1954 г. В этой книге была помещена карта «китайских территорий, отторгнутых империалистами». К этим территориям были отнесены МНР, Корея, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Бирма, Малайзия, Таиланд, часть Индии, японские острова Рюкю, филиппинские острова Сулу.

В последующие годы стали появляться карты с территориальными притязаниями и к Советскому Союзу. В 1959 г. была составлена «наиболее полная» карта «утерянных» территорий с указанием года, когда была «потеряна» и к кому перешла. На ней, в частности, указано, что район Ташкента якобы был отнят Россией у Китая в 1864 г., левый берег р. Амур и Приморье отошли к ней в 1860 г., остров Сахалин отторгнут Россией и Японией после

1875 г. На этой же карте обозначены территории других стран, на которые имеет притязания Китай.

Даже простое перечисление требуемых Пекином территорий показывает, насколько велики аппетиты руководства КНР. Нужно отметить, что маоисты в вопросах территориальных притязаний выступали и выступают на единой платформе с гоминьдановцами, против которых раньше боролись китайские коммунисты. Они требуют, кроме того, включить в этот реестр еще Афганистан, территорию Советского Союза, вплоть до Аральского моря, и некоторые другие территории. Еще в 1936 г. Мао Цзэдун в откровенной беседе с Эдгаром Сноу подчеркнул, что «важнейшей задачей Китая является возвращение всех наших утерянных территорий». А в 1939 г. вышла статья Мао Цзэдуна «Китайская революция и коммунистическая партия Китая», подготовленная в качестве учебного пособия для партийных кадров, обучавшихся в Яньани. В ней также упорно подчеркивалась мысль, что империалистические государства в результате агрессии против Китая отняли значительные территории страны и что после победы революции Бирма, Монголия, государства Индокитая и другие должны «добровольно» воссоединиться с Китаем.

Территории, на которые сейчас претендует Пекин, никогда не являлись китайскими. С большинством государств, расположенных на них, Китай поддерживал лишь дипломатические контакты, которые означали равноправные, а не подчиненные отношения между странами. Однако в китайских документах каждый приезд дипломатической миссии рассматривался как признание суверенитета Китая над данной страной.

Еще одним своеобразным способом доказать правомочность подобных территориальных притязаний являются ссылки на завоевания этих народов иноземными захватчиками много веков и десятилетий назад. Причем речь идет о завоевательных походах как китайских императоров, так и полководцев, поработивших сам Китай. Так, например, маньчжурский император Канси превозносится за созда-

ние цинской империи, рубежи которой «простирались на востоке до Тихого океана, на юге — до островов Южных морей, на западе — до Гималаев, на севере — до Сибири». Особой благосклонностью китайских лидеров пользуется Чингисхан, монгольский завоеватель, войска которого прошли как смерч по территории Северного Китая и Центральной Азии.

Китайские лидеры доходят до прямого восхваления аннексии и насильственной ассимиляции народов. Они рассматривают как положительные явления опустошительные походы императоров китайских династий Хань и Тан, Чингисхана и его преемников, маньчжурских богдыханов, которые сопровождались уничтожением целых племен и народов, разрушением цветущих городов и самобытных цивилизаций. «Нельзя расширение территории считать агрессией, — говорилось в одном из центральных китайских журналов, — а слабые, гибнущие национальности объявлять объектами агрессии, сочувствовать им. Действия сильной нации или государства, направленные на расширение своей территории, соответствуют законам общественного развития своего времени».

Восхваление Чингисхана, его преемников и других завоевателей потребовалось китайским историкам для «обоснования» территориальных притязаний. Они пытаются утверждать, что в свое время «Западный район» Китая охватывал территорию советской Средней Азии, Ирана, Афганистана, части Турции, вплоть до побережья Черного моря [1], пишут о грандиозной китайской империи, которая занимала пол-Европы и простиралась до берегов Средиземного моря [2].

В начале 50-х годов на одном из закрытых совещаний руководящих работников председатель ЦК КПК Мао Цзэдун откровенно говорил: «Мы должны покорить Земной шар. Нашим объектом является весь Земной шар... Что же касается работы и сражений, то, по-моему,

[1] См.: Миньцзу туаньцзе, 1962, № 2, с. 38.
[2] См.: Лиши яньцзю, 1962, № 3 и 4.

важнее всего нам Земной шар, где мы создадим мощную державу. Непременно надо проникнуться такой решимостью». Это далеко не случайное и не единичное высказывание главы КПК и КНР относительно долговременных целей китайских лидеров. В 1958 г. Мао заявил: «... через некоторое количество лет мы непременно построим крупную империю и будем готовы к высадке в Японии, на Филиппинах, в Сан-Франциско». На заседании Политбюро ЦК КПК в августе 1965 г. он снова возвращается к этой теме: «Нынешний Тихий океан в действительности не такой уж тихий. В будущем, когда он окажется под нашим контролем, можно будет считать его тихим».

В связи с такого рода высказываниями небезынтересно вспомнить о том, что еще в 1954 г. в США стало известно о некоем стратегическом глобальном плане Мао, подготовленном якобы в 1953 г. и рассчитанном на победу «мировой революции» в течение 20 лет — к 1973 г. В этом плане Азия рассматривалась как «ближайшая цель» Китая, осуществление которой намечалось к 1965 г. Затем должна была наступить очередь Африки, а страны Европы должны были «капитулировать» сами собой. За Европой должны были последовать Канада и страны Южной Америки, что открывало возможность для решения вопроса о США. Что касается Советского Союза, то ему в этом плане, видимо, отводилась роль младшего партнера Китая.

Сообщение об этом плане было заслушано 29 апреля 1954 г. в Конгрессе США, однако в то время оно казалось настолько невероятным, что в него, видимо, мало кто поверил. Однако действия Пекина на международной арене в последующие годы заставляют по-новому взглянуть на достоверность этого документа.

Многие историки на Западе отмечают опасность гегемонистских притязаний пекинских лидеров. Американский ученый Бойд в своей книге «Внешняя политика коммунистического Китая» писал: «Китай будет вести борьбу за распространение маоизма на весь мир». В конце 60-х

годов другой американский ученый указывал: «В настоящее время Китай имеет претензии мирового масштаба. Когда Пекин восстановит статус мировой державы, его деятельность уже не будет ограничена периферией Восточной Азии». В 70-е годы оценки внешней политики у западных исследователей не изменились. «Внимательное чтение китайских заявлений, — пишет американский историк Б. Ларкин, — наводит на мысль, что наиболее вероятная модель максимального участия Китая в мировых делах, предпринимаемого руководителями китайской политики, ведет к гегемонии Китая».

Глобальные экспансионистские китайские замыслы вызывают решительный протест прогрессивных сил всего мира. Твердая и принципиальная политика СССР и других стран социализма, направленная на защиту мира и предотвращение войны, представляет наибольшее препятствие для их осуществления. Поэтому основные усилия пекинские лидеры направляют на борьбу против Советского Союза и всего социалистического содружества. Ради этого они не гнушаются идти на фальсификацию исторических событий, на прямую измену делу социализма, интересам своего народа. Анализируя обстановку в Китае, Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС отмечал: «... о каких-либо переменах к лучшему во внешней политике Пекина, к сожалению, пока говорить не приходится. Она по-прежнему нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма. Это, конечно, не вернет Китай на здоровый путь развития. Империалисты друзьями социализма не будут» [1].

Нынешние китайские лидеры по-прежнему стремятся оторвать развивающиеся государства от их естественного и искреннего союзника — социалистического содружества и сделать их легкой добычей империализма и гегемонизма. Кроме этого в Пекине надеются приобрести обширные территории СССР: Приморье и Приамурье, Среднюю Азию и Сибирь.

[1] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 11.

Чтобы добиться исполнения своих коварных планов, пекинские лидеры как в прошлом, так и в настоящем пытаются использовать лживый и надуманный вопрос об утраченных территориях, которые якобы захватил Советский Союз. Для этого в Китае фальсифицируется история освоения и заселения дальневосточных земель, искажаются в выгодном для Пекина свете культурные, экономические и политические связи народов, населявших эти районы.

Абсурдность и необоснованность китайских притязаний на земли советского Дальнего Востока ярко подтверждает история формирования советско-китайской границы, история того, как изменялась политика руководителей Китая в пограничном вопросе по отношению к СССР, чему и посвящены последующие главы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРАВДА ОБ ОТНОШЕНИЯХ С КИТАЕМ И ФОРМИРОВАНИИ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ (XVII—XX вв.)

Открытие и освоение русскими землепроходцами дальневосточных земель

Еще в XVI в. Восточная Сибирь и материковый Дальний Восток были совершенно неведомы не только европейцам, но и народам Китая и Японии. Однако с развитием Русского государства в начале XVII в. российские люди пошли на восток в поисках неизведанных земель. Их продвижение распространилось на всю Сибирь и Дальний Восток, вплоть до Тихого океана, а затем включило Аляску и русский берег Северной Америки.

Сначала шли энтузиасты. Рассказы о новых землях становились достоянием простых людей России. Притеснение со стороны бояр в европейской части феодальной России толкало казаков, беглых крестьян, промысловых и служилых людей на поиски лучшей жизни на востоке, в дальних и привольных краях.

Стихийное освоение новых земель носило преимущественно мирный характер, хотя и сочеталось с правительственными мерами в интересах развивающейся России. Уже в начале XVII в. границы российских владений подошли к верхнему течению Оби, Иртыша и Енисея. Вскоре русские пришли и в Забайкалье. К югу от этих малонаселенных и почти неосвоенных земель жили монгольские кочевники, которые совершали военные набеги в целях грабежа местных жителей. Это заставило в 1629 г. народ Бурятии добровольно войти в состав Российского государства. Видя военный перевес русских над монгольскими ханами, забайкальские буряты в 1658 г. тоже добровольно присоединились к России.

Продвижение России на восток привело к первым попыткам московского правительства завязать отношения с Китаем. В 1618 г. через монгольские ханства с целью изучить пути в Китай и установить с ним торговые отношения в Пекин прибыл с небольшим отрядом посол Иван Петлин. Однако ему не удалось добиться аудиенции у китайского богдыхана. Тем не менее поездка не была напрасной: Петлин привез на Родину ценные географические данные. От него, кстати, пошли и первые сведения о Даурии и ее богатствах.

Затем русские казаки вышли к Тихому океану. Отряд Ивана Москвитина в 1639 г. достиг побережья Охотского моря и собрал новые сведения об Амуре. Через 10 лет на берегу Охотского моря был построен Косой острожек, впоследствии превратившийся в порт Охотск. Утверждение России в верхнем течении Лены и в Забайкалье вплотную подводило ее к бассейну Амура.

В 1643 г. небольшой отряд под начальством Василия Пояркова, выйдя из Якутска, достиг р. Зея и двинулся по ней на Амур. Проплыв до Охотского моря, он через три года вернулся в Якутск. Поярков установил, что до появления русских жившие по Амуру племена дауров, эвенков, натков и гиляков (нивхов) существовали каждый самостоятельно и не были зависимы ни от каких других народов — они никому не платили дани.

В 1649 г. землепроходец Ерофей Хабаров с отрядом в 150 человек двинулся с верховий Лены на Амур. Вскоре он остановился в ставке одного из князей-дауров — в Албазине, откуда двинулся дальше. За три года он прошел по Амуру до Татарского пролива, приведя обитавшие на этих землях племена в русское подданство.

К 1653 г. завершилось присоединение Приамурья к русским владениям. В состав России, таким образом, вошла огромная территория, богатая пушным зверем, рыбой, лесом, ценными ископаемыми, простиравшаяся до Татарского пролива. К ней примыкали и земли к востоку от Аргуни до Большого Хингана.

В Забайкалье и Приморье русские землепроходцы встретились с малочисленным населением. Оно было сложным в этническом отношении и вело различный по характеру образ жизни.

Забайкалье к середине XVII в. населяли бурятские пле-

мена, а также различные группы тунгусов[1]. В забайкальских степях господствующее положение занимали так называемые «конные» эвенки, на юге выделялась сильная племенная монголоязычная группировка табунутов, которая в последующем слилась с бурятским народом.

Бассейны рек Шилки и Аргуни заселяло тунгусское население. По Амуру вплоть до Зеи и вверх по ее берегам обитали монголоязычные дауры и эвенки, перенявшие язык и обычаи дауров. Далее, вниз по течению Амура, — дючеры, еще ниже — предки нынешних нанайцев и ульчей, натки и ачаны. Наконец, близ устья Амура и вдоль побережья жили гиляки. По северным притокам Амура до побережья Охотского моря жили различные группы «оленных» и «пеших» тунгусов.

Бурятское и табунутское население Забайкалья занималось кочевым скотоводством. Это население находилось на стадии патриархально-феодальных отношений. Тунгусы в своем общественном развитии дошли к этому времени лишь до разных стадий патриархально-родовых отношений.

У различных групп тунгусов прослеживались в основном два типа хозяйства—оседлых рыболовов и охотников, как, например, «пешие» эвенки на Охотском побережье, и кочевых таежных охотников и оленеводов. Своеобразный хозяйственный комплекс сложился у «конных» эвенков Забайкалья, основу которого составляло коневодство, а скотоводство и охота имели второстепенное значение. Лишь у дауров и дючеров на берегах Амура существовало пашенное земледелие.

Земледельческое оседлое население Приамурья опиралось на укрепленные городки, которые управлялись местными князьками. По степени развития производительных сил и уровню общественного строя забайкальское и приамурское население к моменту присоединения этих районов к России неизмеримо отставало от русского населения.

Освоение русскими землепроходцами открытых ими земель в Забайкалье, Приамурье и Приморье привело к распространению среди малочисленных местных кочевых или охотничьих и даже оседлых земледельческих племен относительно более передовых орудий охоты и методов

[1] Тунгусы — старое название эвенков, употреблявшееся до 20—30-х годов XX в.

обработки земли, к применению металлических изделий. «...Россия, — отмечал в этой связи Ф. Энгельс, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»[1]. Русские принесли в эти места более передовые способы земледелия и охоты — трехполье, завели яровые хлеба, железные сошники, бороны, косы, строили амбары, водяные мельницы и ловушки на зверя.

Русские поселенцы, уходя в поисках лучшей жизни на восток, стремились прежде всего уйти от феодального гнета помещиков и царской администрации. Однако они не ставили перед собой задачи выйти за границы государства или отойти от него. Более того, после постройки Албазина переселенцы сразу же взяли на себя выполнение такой важной задачи, как сбор ясака[2] с перешедшего в российское подданство местного населения.

К началу 80-х годов наиболее заселенным оказался Амурский район. Центр его — Албазинский острог—стоял в широкой долине Амура на высоком береговом мысу. В 1680 г. он представлял собой четырехугольник со стенами общей протяженностью до 350 м, над которым возвышались три башни. Острог был окружен рвом, за рвом с двух сторон острога в три яруса были вбиты надолбы и в шесть рядов побит «чеснок»[3]. Возле укрепления находился посад с 53 «жилецкими» дворами и сразу же начинались пашни.

На амурских берегах ниже устья Аргуни разместилось свыше 20 русских сельскохозяйственных поселений — слобод, деревень, заимок. Там проживали пашенные крестьяне, а также промышленники и казаки. Земледельческие селения крестьян, служилых и промышленных людей тянулись по берегам Амура, от устья Аргуни до Албазина и далее вниз по течению на протяжении примерно 300 верст; верхний и частично средний Амур представлял собой заселенный, обжитой и энергично осваивавшийся район.

В 1648 г. казак Семен Дежнев открыл пролив, соединяющий Ледовитый океан с Тихим, и описал берега Чукотки. После первых двух походов на Камчатский полуостров землепроходец В. Атласов в 1697—1699 гг. с небольшим отрядом прошел всю Камчатку, обложив ее население яса-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

[2] Ясак (тюркск.) — подать, собиравшаяся в пользу государства Российского с нерусских народов Сибири, служившая внешним выражением подданства.

[3] «Чеснок» — оборонительные заграждения из металлических кольев вокруг острогов (крепостей) против конницы.

ком и приведя его в российское подданство. В 1723—1730 гг. было осуществлено детальное обследование полуострова экспедицией, возглавляемой Витусом Берингом и двумя его помощниками — Алексеем Чириковым и Мартыном Шпанбергом.

После перестройки Охотского порта дальнейшие экспедиции исследователей участились. В состав Якутского воеводства вошли Анадырь и Чукотка, все побережье Охотского моря. Их открытие и освоение завершили включение северо-восточных окраин Азии в состав России.

К XVII в. относятся первые открытия и посещения русскими мореходами и землепроходцами Курильских островов и Сахалина. В 1654 г. на Курилы плавал якутский казачий десятник М. Стадухин. Еще в 60-х годах русские нанесли на карту часть северных островов гряды. В 1700 г. острова были нанесены на карту С. У. Ремезова «Чертеж вновь Камчадальские земли», причем русские географы сделали это первыми в мире. В 1711 г. казачий атаман Д. Анциферов и есаул И. Козыревский заходили на острова Шумшу и Парамушир. В следующем году Козыревский вновь побывал на Курилах и сообщил, что жители островов Итуруп и Уруп живут «самовластно», то есть независимо, и люди с о. Матмай (Эдзо — ныне Хоккайдо) к ним не заходят. В 1721 г. выпускники Петербургской академии геодезии и картографии И. Евреинов и Ф. Лужин совершили плавание к Курильским островам, представив Петру I отчет о путешествии и свою карту.

Весьма ценные результаты принесла вторая Камчатская экспедиция под руководством М. Шпанберга. Она обошла в 1738—1739 гг. южную оконечность Камчатки, открыла путь к восточным берегам Японии, описала всю Курильскую гряду и установила ее неподвластность никому.

До конца XVIII в. Сахалин и Курильские острова не вызывали интереса у Японии и были там почти неизвестны. Лишь в самом конце XVIII в. японские рыбопромышленники появились на Кунашире (1799 г.) и на Итурупе (1780 г.), где уничтожили русские кресты и незаконно поставили столбы с указанием принадлежности Японии.

Захватнические действия цинского правительства против русских поселений

До появления русских на Дальнем Востоке Приамурье и Уссурийский край были совершенно неизвестны маньчжурским властям. Местные князья племен и старшины родов сохраняли полную самостоятельность и не имели никакой юридической связи с цинской династией Китая, хотя некоторые сведения о жителях этих районов Пекин имел от своих купцов, забиравшихся иногда далеко на север. Узнав о продвижении русских на Амур, китайское правительство решило остановить этот процесс, чтобы самому захватить Приамурье. Оно расширяло свои владения и, хотя в этот период было занято покорением Китая, уже в 50—70-х годах XVII в. выслало на Амур небольшие отряды, предъявив свои притязания на этот край, где власти России продолжали осваивать открытые землепроходцами земли.

С начала 80-х годов XVII в. обстановка в Забайкалье и Приамурье стала более тревожной. Установив свое господство в Китае и подавив сопротивление китайского народа, маньчжурская (цинская) династия (1644—1911 гг.) начала подготовку к осуществлению широких захватнических планов. Убедившись в твердости политики России в отношении дальневосточных земель, маньчжурский двор решил пойти на прямой захват Забайкалья и Приамурья, с тем чтобы лишить русских какого-либо внешнеполитического влияния на Дальнем Востоке и обеспечить себе полное господство в этом регионе.

Занятое в начале 80-х годов сложными внешнеполитическими задачами борьбы против Турции, царское правительство не сразу оценило опасность и возможные последствия маньчжурской агрессии и отказалось от мысли о переговорах с двором цинского богдыхана.

В этих условиях в начале 1683 г. была изменена структура управления Восточной Сибирью: все восточносибирские уезды (Якутский, Иркутский, Илимский, Нерчинский, а также выделенный из него Албазинский) объединялись в Енисейское воеводство, во главе которого был поставлен князь К. О. Щербатов — крупный администратор того времени. Выделение Албазина из состава отдельного Нерчинского уезда, охватывавшего территорию собственно Приамурья, было демонстративно политическим актом, которым правительство подчеркивало незыблемость присутствия на Амуре русской администрации, по своим правам ничем не уступавшей воеводам других сибирских уездов.

В этот трудный для края момент подавляющая часть населения Забайкалья и Приамурья сохраняла верность

российскому подданству. Население, платившее ясак, само просило у русских властей защиты, сообщало военные вести, служило проводниками, выдавало изменников, участвовало непосредственно в боевых действиях на стороне русских. Так, например, чтобы подтвердить свою лояльность, «князец» Гантимур, выдачи которого длительное время добивались маньчжуры, со своим старшим сыном Катанаем выразил желание креститься и принять православную веру. Их крещение и поверстание в службу имело очень большое значение, так как окончательно исключало основания для притязаний маньчжурского двора.

Агрессивные вылазки цинских войск поставили перед правительством России трудные военные и дипломатические задачи. Маньчжурские войска стали угрожать русским поселениям на Амуре и на побережье Охотского моря в Якутии. Доставка подкреплений и оружия сюда требовала много времени, и к 1685 г. для обороны Забайкалья и Приамурья после понесенных потерь оставалось мало сил.

Сибирской администрации удалось использовать противоречия между халхаскими феодалами и удержать наиболее влиятельного из них — Очирой Саин-хана от прямой военной поддержки цинского двора, хотя позиция другого монгольского феодала — Галдана оставалась неясной и внушала большие опасения. Царское правительство России допускало даже возможность создания сплошного фронта от Западной Сибири до Амура.

В этих условиях русским властям в Забайкалье и Приамурье предстояло противостоять захватническим действиям цинского правительства с одной стороны и северомонгольских феодалов — с другой.

После захвата острогов на Зее и Селемдже командиры маньчжурских отрядов решили путем кавалерийских набегов из укрепленного лагеря в устье Зеи уничтожить русские селения на Амуре, обеспечивавшие Албазин продовольствием, а затем осадить и взять его. В марте 1685 г. маньчжурские войска появились непосредственно под Албазином. Кавалерийский отряд занял в трех верстах от крепости мельницу, пленил находившихся там казаков и работников и тотчас же отошел. До лета маньчжуры больше не подходили к крепости, и местное население смогло засеять пашни близ нее.

В начале июня маньчжурские отряды вновь появились под Албазином с намерением осадить его. При этом, как

говорилось в грамотах цинского богдыхана, маньчжурский двор претендовал не только на Албазин, но и на всю Восточную Сибирь до Якутска и Енисейска. Такие ультимативные требования объяснялись тем, что маньчжуры знали о своем абсолютном превосходстве над русскими и надеялись на успех своего союзника Очирой Саин-хана в Забайкалье. Однако горстка казаков Тункинского острога, прикрывавшего Иркутск, с честью выдержала месячную осаду десятитысячного отряда монгольских конников. Это вынудило халхаских феодалов отозвать свои отряды.

В Албазине же положение русских войск становилось день ото дня все труднее. Начальник отряда А. Л. Толбузин, прибывший во второй половине мая 1684 г. в крепость и возглавивший ее оборону, 16 июня 1685 г. послал гонцов в Нерчинск с просьбой о помощи. Он отверг предложение маньчжуров о сдаче, надеясь на подмогу. Однако силы защитников были слишком слабы, боеприпасы кончились, и Толбузину пришлось принять условия врага.

В дальнейшем маньчжуры не смогли развить наступление и вопреки опасениям русских властей в Нерчинске дальше устья Аргуни не продвинулись. К тому же маньчжурские воеводы получили приказ быстро возвратиться в Китай, где вспыхнули волнения.

Для сохранения хлебных полей из Нерчинска был выслан другой отряд во главе с А. Бейтоном, а вслед за ним пошел на дощаниках по Амуру Толбузин. К 1686 г. для обороны Приамурья было стянуто свыше тысячи ратных людей, число которых в случае необходимости могло быть увеличено за счет промышленных людей и крестьян.

Основную часть урожая (более чем с тысячи десятин) удалось снять. Одновременно заготавливался лес для строительства укреплений и жилищ.

Уводя войска от Албазина, цинские воеводы тем не менее продолжали укреплять и улучшать коммуникации между Гирином и Айгунем и усиливать укрепленные лагеря на Амуре.

В начале июля 1686 г. вновь разгорелись тяжелые бои за Албазин. Осадная армия подошла к русской крепости по амурскому берегу и водным путем. Она насчитывала до 5 тыс. человек и располагала 40 пушками. Перед ней была поставлена задача взять Албазин и Нерчинск, после чего вернуться для зимовки в Албазин.

Гарнизон крепости, возглавляемый А. Л. Толбузиным, насчитывал 826 защитников. Он геройски оборонялся,

предпринимая частые вылазки. На пятый день обороны был тяжело ранен и вскоре скончался Толбузин. Командование крепостью принял А. Бейтон. Албазин продолжал обороняться вплоть до декабря, и, хотя в составе гарнизона осталось всего 150 человек, крепость так и не была взята китайцами. Пятимесячная оборона Албазина, начавшаяся 7 июля 1686 г., по праву занимает почетное место в истории русской военной славы.

Трудности, с которыми столкнулось цинское правительство Китая в своих действиях в Приамурье, вынудили его пойти на установление дипломатических отношений с русским правительством. Официальное послание богдыхана об условиях мира прибыло в Москву 15 ноября 1685 г. Тем временем тревожные вести из Даурии и притязания Канси на Восточную Сибирь побудили русский царский двор принять соответствующие решения об обороне Забайкалья и Приамурья.

28 ноября 1685 г. был подписан царский указ о назначении Ф. А. Головина, известного русского дипломата того времени, боярина, великим и полномочным послом для ведения переговоров с маньчжурскими представителями на пограничном съезде. Русское правительство не собиралось поступаться дальневосточными землями. Головину вменялось в обязанность отстоять дальневосточные русские рубежи не только дипломатическим, но и военным путем. Для организации обороны ему фактически на правах наместника передавалась власть над огромной территорией Иркутского, Нерчинского, Албазинского уездов.

К моменту прибытия Головина (сентябрь 1687 г.) в Забайкалье фактически прояснился вопрос о новом выступлении Очирой Саин-хана против России. В январе 1688 г. халхаские конники одной группой двинулись на Селенгинск, другой — к Байкалу, чтобы перерезать дорогу, связывавшую забайкальские отряды с Иркутском. В конце января 1688 г. около Удинска произошло столкновение с монгольскими войсками. Противник понес крупные потери и отказался от дальнейшего наступления к Байкалу. Селенгинский гарнизон находился в осаде 11 недель. В конце марта Головин, воспользовавшись удобным моментом, выслал из крепости конный отряд, который нанес монгольским войскам поражение и вынудил их уйти в пределы Северной Монголии.

Неудача войск Очирой Саин-хана изменила планы Канси. Не отказываясь от достижения поставленных целей, маньчжурский двор решил пока воздержаться от выступления, но агрессивные акции против русских поселений не прекращались.

Однако обстановка на Дальнем Востоке к осени 1688 г. складывалась для России более благоприятно. Нападения отрядов Очирой Саин-хана на Забайкалье и маньчжур на Албазин и Нерчинск были сорваны русскими войсками.

Вплоть до августа следующего года между Россией и цинским правительством велись посольские переговоры об урегулировании отношений. 3 июня 1689 г. китайское посольство отправилось в Нерчинск. Его сопровождал отряд маньчжурских войск. В этот день посольство и отряд подошли по Амуру к Албазину. 1 июля они уже вошли в пределы Нерчинского уезда.

В начале августа 1689 г. положение в Нерчинске осложнилось. События показали, что маньчжурский двор во что бы то ни стало хотел добиться аннексии сибирских территорий России. К Нерчинску, где велись двусторонние переговоры, китайское правительство подвело большое войско, численность которого была не менее 10 тыс. человек, а по подсчетам некоторых историков — до 15—17 тыс.

В этой обстановке 29 августа 1689 г. был подписан Нерчинский договор. Государственная граница, намеченная договором лишь в самых общих чертах, кроме участка по р. Аргунь, оказалась крайне неопределенной. Названия рек и гор, служивших географическими ориентирами, не были идентичны в русском, китайском и маньчжурском экземплярах договора, что давало возможность разного их толкования. В момент подписания стороны не располагали сколько-нибудь точными картами района размежевания и, как позже выяснилось, не представляли себе, где и как прошла намеченная ими граница. Уступая силе, русские ушли с Амура, но вся территория к востоку от Аргуни и Горбицы оказалась, по существу, неразграниченной.

Договор предусматривал урегулирование пограничных споров только мирным путем и устанавливал принцип равноправия торговли для обеих сторон. Это открывало возможности для развития мирных политических и торговых отношений России с цинской империей.

Заключение договоров между Россией и Китаем и развитие торговых связей

После подписания Нерчинского договора русское купечество решило воспользоваться возможностью вести торговлю с Китаем. Несмотря на условия договора, цинское правительство долго противилось налаживанию торговых связей. В декабре 1689 г. первый русский казенный купеческий караван был направлен в Китай. Разрешая его отправку, Ф. А. Головин преследовал и дипломатические цели. Этим он стремился подчеркнуть важность условий подписанного договора. Быстрота, с какой русские купцы сумели организовать такое сложное предприятие, свидетельствовала об их заинтересованности в торговле с Китаем и знании ее. В июне 1691 г. из Нерчинска отправился более многочисленный торговый караван, а в ноябре — декабре — третий.

Поскольку в связи с джунгаро-маньчжурской войной[1] уже изведанные пути в Китай через Северную Монголию были закрыты, отправным пунктом стал Нерчинск, откуда караваны шли к Науну и далее в Пекин. В первое же десятилетие после подписания Нерчинского договора товарооборот через эту базу достиг таких значительных размеров, что стал соперничать с оборотами русской внешней торговли со Средней Азией и превзошел обороты торговли с Западом через Псков, Тихвин, Смоленск.

Состояние русско-китайской торговли в 1689—1697 гг. показывает, что Россия использовала Нерчинский договор для развития экономических взаимоотношений между Россией и Китаем, уже сложившихся к 80-м годам.

Эти взаимоотношения определялись уровнем развития рынков обоих государств, в частности созданием сибирских областных рыночных связей с включением сибирских торговых центров в систему складывавшегося всероссийского рынка. Существенной слабостью торговли с Китаем был ее односторонний характер. Цинское правительство, будучи вынужденным считаться с договором и запросами китайского рынка, тем не менее не хотело способствовать развитию китайского купечества и не разрешало ему выезжать за пределы страны, в частности на сибирские рынки. Поэтому торговые операции в основном осуществлялись лишь на китайских рынках, когда в Пекин прибывали русские купеческие караваны.

[1] Джунгаро-маньчжурская война—война джунгарского (ойратского) ханства, сложившегося в северной части Северо-Западного Китая к 30-м годам XVIII в., против агрессии цинской империи.

Караванная торговля с Китаем была трудным, хлопотливым и, главное, очень длительным предприятием, требовавшим значительных капиталов, а также многочисленного штата агентов и работных людей. Снаряжение караванов начиналось задолго до прибытия купцов в Нерчинск. Отсюда путь караванов шел к Аргуни и далее к китайским селениям на р. Наун. Расстояние от Нерчинска до Аргуни покрывалось за три недели. Столько же уходило на путь до р. Наун и около полутора месяцев — до Пекина. Всего, таким образом, для прохода каравана от Нерчинска до Пекина требовалось в один конец около трех месяцев. Наиболее тяжелым был путь от Аргунского острога до р. Наун.

От Науна хлопоты по обеспечению каравана подводами и провиантом брали на себя маньчжурские власти. Поэтому они ограничивали срок пребывания русских купцов в Пекине.

Каждый караван, выходивший из Нерчинска, обязательно сопровождался отрядом служилых людей. Командиру конвоя вменялось в обязанность не только следить за безопасностью и порядком в караване, но и выполнять определенные дипломатические поручения. В Пекине он был обязан доложить о себе богдыханским администраторам, передать им грамоту нерчинских властей и просить разрешения на свободную торговлю.

По условию, поставленному маньчжурскими властями, русские караваны могли приходить в Пекин один раз в три года, но фактически они в первое время ходили почти ежегодно. Часто отправление караванов совпадало с отъездом из Нерчинска в Китай русских дипломатических представителей. В таких случаях создавались объединенные караваны под единым конвоем.

Всего с 1689 по 1728 г. в Китай было отправлено 16 русских купеческих караванов. Они везли большие партии собольих и других мехов, юфть и некоторые металлические изделия, а привозили обратно китайские шелка, посуду, золото, жемчуг и драгоценные камни. Ввоз в Китай значительно превышал вывоз, и разница покрывалась серебром.

Большое значение укреплению торговли и установлению политических отношений России с Китаем придавал Петр I. В 1700 г. он издал указ об отправке в Пекин ду-

ховной миссии в связи с тем, что в Китай были угнаны взятые в плен в 1685 г. жители Албазина. Цинские власти использовали этих албазинцев как переводчиков для переговоров с русскими и предоставили им некоторые льготы. Их священнику разрешалось совершать богослужение.

Посылка в Китай духовной миссии мотивировалась послом Петра I тем, что албазинцам надо и далее исповедовать православие. Поскольку богдыхан Сюань Е готовился к войне с джунгаро-ойратским ханством, он в 1712 г. дал разрешение на приезд русской духовной миссии. Первый состав такой миссии выехал в Пекин в 1712 г. В свою очередь царское правительство допустило в 1712 г. посланца богдыхана к хану волжских калмыков Аюке, наказав последнему, чтобы он не соглашался объявлять войну джунгарам.

В 1719—1722 гг. состоялась поездка в Китай чрезвычайного российского посланника Измайлова, который получил от цинских властей охранные грамоты для русских купеческих караванов и разрешение на открытие в Пекине православной церкви для приезжающих туда русских купцов. Он исполнил китайский обряд, но с условием, что цинские послы в России будут подчиняться русским обычаям.

После победы над Швецией и восшествия на русский престол Екатерины I царский двор направил в Китай посольство графа Саввы Рагузинского с целью уведомить цинский двор о воцарении Екатерины I и провести переговоры о границе в районе монгольских земель. Миссия тщательно подготовилась к выполнению своей задачи, детально изучила положение на границе и собрала необходимые документы о русском подданстве пограничного населения.

В Пекине миссии Рагузинского были оказаны все почести. Но затем цинские власти повели себя как при переговорах в Нерчинске. Они окружили стражей дом, где размещалось посольство, и не выпускали его, требуя земель в Забайкалье, Приамурье и Приморье. Цинские чиновники пытались повторить шантаж 1689 г. Однако русский посол ясно понимал, что войны с Россией цинский двор начать не может, так как боится нападения джунгар и внутренних восстаний, и твердо отстаивал территориальные права России.

Переговоры о границе по предложению русского представителя перенесли на саму границу и вели у р. Бура в 100 верстах от Селенгинска. Рагузинский наотрез отказался от предложения цинских чиновников избрать местом встречи послов пункт в глубине русской территории. Но и при переговорах на границе Цины продолжали давление на русских дипломатов: сосредоточили крупный отряд войск, угрожая открытием военных действий против России. В итоге переговоров 20 августа 1727 г. был подписан русско-китайский Буринский договор, определивший границу от Кяхты до перевала Шабин-Дабага по линии фактически существовавших русских и монгольских караулов, а где их не было — по селениям, хребтам, сопкам и рекам. В основу разграничения был положен принцип «фактического владения». Буринский трактат стал частью общего договора, который регулировал отношения между Россией и Китаем. Он потом получил название Кяхтинского, так как окончательный обмен экземплярами состоялся в Кяхте 14 июня 1728 г.

Кяхтинский договор предусматривал также право регулярной посылки торговых караванов в Пекин. Их размер и периодичность были определены. До 200 русских купцов раз в три года могли приезжать в Пекин, торговать там беспошлинно, строить дома, лавки, склады и т. д. Кроме того, договор уточнял условия русской торговли с Китаем, разрешал устройство беспошлинного менового торга близ Нерчинска и в Кяхте. Однако в основном меновая торговля велась в Кяхте, куда китайские купцы из провинции Шаньси привозили ткани, шелк, чай, одежду, драгоценности и другие товары в обмен на русские меха, полотно, юфть и металлические предметы.

Договор узаконил постоянное пребывание в Пекине русской духовной миссии. Возможность поддерживать сношения с цинским правительством через эту миссию имела важное значение, поскольку в Пекине в то время не было постоянного русского дипломатического представительства. В июне 1728 г. Кяхтинский договор был ратифицирован обеими сторонами.

В 1730 г., готовясь к войне с джунгарским ханством, цинское правительство послало в Петербург свое первое посольство, которое прибыло в русскую столицу в 1731 г. и было принято царицей. В ответ на просьбу китайского посольства о помощи в борьбе Китая против джунгар русское правительство уклонилось от посылки войск, но обещало обсудить вторую просьбу — выдачу перебежчиков.

В 50-х годах XVIII в. перед русским правительством весьма остро встал вопрос о возможности пользоваться водным путем по Амуру для снабжения продовольствием Камчатки и русских владений в Америке. Сибирский губернатор в 1752 г. подал об этом записку императрице Елизавете. Она повелела Сенату начать с цинским правительством переговоры. В 1757 г. в Пекин был послан советник русской императорской канцелярии с соответствующим документом Сената. Однако богдыхан наотрез отказался даже рассматривать этот вопрос.

В последующие годы отношения России с Китаем носили весьма напряженный характер. Богдыхан Хун Ли занял угрожающую позицию. Листы из лифаньюаня[1] в Сенат были наполнены грубой бранью. Поэтому Сенат был вынужден в 1764 г. ответить китайскому трибуналу, что ругательства лишь «гнусное орудие невежд», ими Россия может «пренебречь с презрением» или же за них «наказать чувствительно».

В том же году после протеста китайских купцов богдыхан разрешил возобновление кяхтинской торговли, но цинские власти неоднократно то прекращали, то возобновляли ее. 18 октября 1768 г. в Пекине была принята дополнительная статья к Кяхтинскому договору о незначительных исправлениях границы возле Кяхты, об отказе выдачи прежних перебежчиков, о порядке наказания преступников.

В 70—80-х годах возникали новые споры — о юрисдикции в отношении русских и китайских подданных. По этому поводу цинское правительство снова прерывало кяхтинскую торговлю в 1778—1780 гг. и в 1785—1792 гг. Лишь после подписания в 1792 г. международного акта о русско-китайской торговле через Кяхту торговля возобновилась и стала быстро расти.

Таким образом, период после подписания Нерчинского, а позднее Буринского и Кяхтинского договоров (1727—1728 гг.) характерен развитием торговых связей между Россией и Китаем. Эта торговля была выгодна для обеих стран. Однако торговле между ними мешали ограничительные меры цинского правительства, которые явно не способствовали развитию экономики Китая, налаживанию добрососедских отношений.

[1] Лифаньюань (китайский трибунал) — орган в цинской империи, через который осуществлялись внешние сношения в XVIII в.

Русско-китайские отношения в XIX — начале XX в.

Как известно, Нерчинский договор 1689 г. надолго приостановил освоение земель на Амуре и Уссури. Следующий камень в фундамент освоения Приамурского края положил еще Петр I, отдавший распоряжение о переселении в Забайкалье окольных стрельцов. Важность Амура как удобного и надежного пути для провоза продовольствия на Камчатку и во владения на Охотском море отмечала и Екатерина II.

Вновь вопрос о защите дальневосточных земель приобрел актуальное значение в начале 40-х годов XIX в. Это было связано с активизацией капиталистических стран, их проникновением в страны Дальнего Востока и к западным берегам Американского континента. В результате навязанных Китаю неравноправных договоров англичане «открыли» для себя эту страну, получили пять китайских портов. В Охотском, Беринговом морях близ Камчатки стали появляться корабли западных стран. Продажа Российско-американской компанией своих владений в Калифорнии Америке вызвала немало толков в общественном мнении России, заставив царское правительство обратить серьезное внимание на закрепление Приамурья.

В то время, когда усиленно происходило вторжение в Китай иностранного капитала, царская Россия была еще крепостнической страной с крайне отсталой торгово-промышленной базой. Особенно отдаленной, малонаселенной и неразвитой окраиной были Восточная Сибирь и Дальний Восток с их необъятными просторами. Сухопутные войска на дальневосточных границах России были малочисленны, а царский флот в восточных морях — намного слабее английского.

Сношения России с соседним Китаем, как говорилось выше, царское правительство осуществляло через православную духовную миссию в Пекине. Русская торговля с Китаем до конца XIX в. велась на равноправных началах. Из Китая в Россию ввозился главным образом чай. Из России в Китай — преимущественно пушнина, сукно, хлопчатобумажные ткани. Долгое время для этой цели служила Кяхта, но во второй половине XIX в. ее значение было подорвано развитием морского пароходства, кяхтинская торговля резко сократилась.

Большую тревогу у царского правительства вызвали

подозрительные путешествия по Восточной Сибири англичан, французов и американцев, якобы занятых «научными» проблемами. В этой связи назначенный генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьев предупреждал русское правительство о необходимости предотвратить появление в устье Амура и на Сахалине англичан и французов. «Кто будет владеть устьями Амура, — писал он царю, — тот будет владеть и Сибирью».

Настойчивые предостережения Муравьева побудили царский двор назначить Особый комитет для обсуждения амурского вопроса. 20 февраля 1849 г. он признал желательным, чтобы устье Амура не было занято никакой «посторонней державою».

Нерчинский договор не запрещал России плавание по Амуру через неразграниченные земли. Но фактически этот удобный водный путь оставался неосвоенным из-за отсталости России и ее сибирских окраин, а также из-за нежелания осложнять отношения с цинским правительством. Земли по левому берегу Амура и Южно-Уссурийский край (Приморье) все еще не были заняты ни одним государством. Они оставались почти неизвестными цинскому правительству. Местное население края жило самостоятельно и не зависело ни от России, ни от Китая. Торговые связи с ним поддерживали лишь русские поселенцы из Забайкалья и Якутии. Изредка проникали сюда жители Китая.

Летом 1849 г. русский исследователь капитан-лейтенант (впоследствии адмирал) Г. И. Невельской вошел в лиман Амура. Отважные мореходы, проведя тщательные исследования, доказали доступность входа в Амур морских судов и окончательно выяснили, что Сахалин является не полуостровом, а островом, отделенным от материка судоходным проливом.

Летом 1850 г. Невельской по поручению Муравьева снова возглавил экспедицию в устье Амура с целью завести сношения с гиляками и основать зимовье в заливе Счастья. Такое зимовье было заложено прапорщиком Орловым с 25 матросами 29 июня под названием Петровское. Затем Невельской поднялся вверх по Амуру, основал Никольский пост (ныне Николаевск-на-Амуре) и объявил местным жителям об их принадлежности к России. На территории поста был выстроен пакгауз для торговли с гиляками, поставлена юрта, воздвигнут флаг и оставлено 10 солдат с пушкой.

Однако решение правительства по поводу действий Невельского вследствие различных проволочек со стороны бездарного министра иностранных дел Нессельроде было утверждено только год спустя — 15 февраля 1851 г. Оно предписывало: «Оставить впредь до усмотрения Николаевский пост на Амуре в виде лавки Российско-Американской компании и снестись с китайским правительством с приглашением войти с нами в объяснения касательно обеспечения устья Амура от всяких покушений иностранных держав». Такое решение означало, что до урегулирования вопроса о разграничении с цинским Китаем Николаевский пост рассматривался только как торговый пункт.

В соответствии с этим 17 февраля 1851 г. в китайский трибунал внешних сношений был послан лист с указанием на опасность проникновения иностранных судов в Амур. Цинское правительство не ответило на это послание. Вскоре Невельскому было поручено основать новые стоянки в устье Амура, а также к югу от него в бухтах морского побережья для русских судов и составить описание этих мест. В 1853 г. был основан военный пост на Сахалине.

В конце 1853 г. в связи с началом Крымской войны возникла прямая угроза нападения англо-французского флота на тихоокеанское побережье России. Муравьев выразил обоснованные опасения, что Англия может использовать свое влияние в Китае во вред интересам России. Эти проблемы в январе 1854 г. обсуждались на заседаниях Особого комитета, который нашел необходимым принять энергичные меры по стабилизации положения в этом районе. Нападение англо-французского флота на тихоокеанское побережье России подтвердило опасения.

В этих условиях весьма правомерным было решение царского правительства о переброске воинских контингентов на Дальний Восток для возможных действий против английских и французских войск в неразграниченных с Китаем землях. Одновременно ставилась задача упрочения позиций России на Амуре для последующих переговоров о границах.

Решение это было принято в начале 1854 г., и сразу же были начаты необходимые приготовления. В этой связи в апреле 1854 г. Муравьев, который ранее был наделен всеми полномочиями для ведения переговоров с цинским правительством, послал в китайский трибунал лист с уве-

домлением о предстоящем передвижении войск к берегам Тихого океана.

В мае 1854 г. отряд войск с продовольствием и другими грузами двинулся по Амуру на 75 баржах, плотах и одном пароходе. К концу месяца он достиг города Айгунь, где и остановился, чтобы решить вопрос с чиновниками цинского правительства о дальнейшем передвижении. После переговоров, которые велись 30 мая и закончились успешно, отряд беспрепятственно двинулся дальше и 14 июня соединился с отрядом Невельского. Такие действия Россия предпринимала прежде всего для охраны от европейских стран неразграниченных с Китаем территорий. Они были решительными и проводились с ведома цинского правительства.

Успех первого сплава по Амуру, несомненно, составляет одно из самых крупных событий в истории освоения этого огромного края. Он доказал пригодность Амура для плавания, удобство и возможность заселения практически пустынных берегов реки, миролюбие малочисленных местных жителей и отсутствие противодействия цинских властей.

Продолжавшаяся Крымская война требовала подкреплений малочисленным русским гарнизонам на тихоокеанском побережье. Поэтому весной 1855 г. осуществился второй сплав, в ходе которого было переброшено на 103 лодках и баржах до 3 тыс. человек и много груза. С открытием навигации 1856 г. третий сплав, на 113 различных судах и плотах, доставил свыше 1600 человек и большое количество различных грузов. В этом же году была предпринята попытка перевезти по Амуру замененный личный состав в обратном направлении. Плавание прошло в труднейших условиях, с большими человеческими жертвами и показало необходимость использования при перевозке вверх по Амуру пароходов.

Весной 1857 г. (с четвертым сплавом по Амуру) этим же путем отправился в Китай русский посол граф Путятин, поскольку он не мог получить разрешение прибыть в Пекин сухопутным путем.

Вторая «опиумная» война[1] и захват английскими войсками Кантона (Гуанчжоу) заставили цинское правительство поспешить урегулировать свои пограничные споры с Россией с целью иметь руки свободными против западных держав и против тайпинов.

[1] «Опиумные» войны в Китае — агрессивные войны Англии, Франции при поддержке США в середине XIX в. Начались из-за усиленного ввоза в страну опиума, подрывавшего физические и нравственные силы китайского народа и экономику государства. Вторая «опиумная» война продолжалась с 1856 по 1860 г.

В этих условиях в мае 1858 г. между генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым и цинским уполномоченным — амурским цзяньцюнем (командующим. — *Ред.*) И Шанем начались переговоры об установлении границы на ранее фактически неразграниченных землях.

Переговоры проходили в условиях, когда, по признанию многих высших сановников цинского правительства, разрыв с Россией из-за Амура был бы губителен для Китая. Обе стороны, говорится в преамбуле Айгуньского договора от 16 мая 1858 г., «по общему согласию, ради большой вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных» подписали этот договор, который провозглашал левый берег Амура владением России, а правый — до Уссури — принадлежащим Китаю. Пространства от Уссури до моря оставались неразграниченными «впредь до определения по сим местам границы» и были признаны «в общем владении» обоих государств.

Подписание Айгуньского договора означало провал попыток английских дипломатов отвлечь внимание цинского двора на север, ослабить Китай и обострить отношения с Россией. Договор закрывал доступ английским, французским и американским судам в Амур и впервые ясно и определенно устанавливал границу. Фактически он не нанес никакого ущерба Китаю, так как Приамурье и Уссурийский край не были заселены китайцами и никак не были связаны с Китаем.

Айгуньский договор не содержал неравноправных статей о консульской юрисдикции, об односторонних торговых привилегиях для российских подданных. Эти важнейшие отличительные признаки договоров капиталистических государств с полуколониальными странами полностью отсутствовали. Более того, пункт о сохранении юрисдикции Китая над немногочисленным китайским населением на русской территории в устье Зеи и Буреи был неравноправным для России.

Вскоре после заключения договора — 2 июня 1858 г. — он был ратифицирован в Пекине императорским указом. Русский царь также утвердил этот договор, о чем в ки-

тайский трибунал был послан лист об обнародовании текста договора в пограничных местностях.

Айгуньский договор, как уже отмечалось выше, оставил земли от Уссури до моря неразграниченными. Окончательное решение этого вопроса было возложено на дипломатическую миссию графа Н. П. Игнатьева, который прибыл в Пекин через два дня после победы китайцев над англо-французской эскадрой у Дагу. Это наложило определенный отпечаток и создало дополнительные трудности при ведении переговоров. Бесплодные переговоры о китайской границе длились довольно долго, и поэтому Игнатьев уехал из Пекина в Шанхай, где он вступил в контакт с уполномоченными западных держав.

В политике России был ряд особенностей, которые использовал в ходе переговоров Игнатьев. Так, Россия не ввозила в Китай опиума, не посылала против него войск и военных кораблей и не вывозила кули[1], что совершали в Китае западные страны. Отмечая специфический характер отношений России с Китаем, К. Маркс в 1857 г. писал: «У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время как англичане и мы сами лишены привилегии непосредственной связи даже с наместником Кантона... русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине (имеется в виду Российская духовная миссия. — *Ред.*)...

Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются теперь; на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря...»[2]

Постепенно русский посол обрел высокий авторитет у цинского двора и у западных дипломатов в Китае, особенно когда англо-французские войска подошли к Пекину и заняли его северные ворота.

Благодаря деятельности Игнатьева 2 ноября 1860 г. был подписан Пекинский договор. Он подтверждал, развивал и пояснял Айгуньский договор (1858 г.) и Тяньцзиньский трактат (1858 г.), регулировал отношения между Россией и Китаем и определял восточную, намечал западную границы России и Китая. Формально договор считался дополнительным, подтверждавшим и пояснявшим Айгуньский и Тяньцзиньский трактаты, но фактически имел самостоятельное значение, так как подводил итоги важному этапу русско-китайских отношений.

Согласно первой статье договора, восточная граница между двумя государствами, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, идет вниз по течению Амура до места слияния с р. Уссури. Устанавливалось, что земли, лежащие по левому (северному) берегу Амура, принадлежат Российскому государству, а земли, лежащие на правом (южном) берегу до устья Уссури, — китайскому государству. Далее пограничная линия шла от устья Уссури, вверх по этой реке, через озеро Ханка, затем по р. Бэлэнхэ, по горному хребту к устью р. Хубиту (Хубту, Ушагоу) и от этого места «по горам, лежащим между р. Хуньчунь и морем до р. Тумыньцзян».

Заключение договора явилось завершением разграничительных работ между Россией и Китаем на Дальнем Востоке. Достигнутое соглашение способствовало развитию в дальнейшем мирных отношений между народами обеих стран.

В последующие годы вплоть до начала XX в. между Россией и Китаем, в порядке уточнения некоторых положений Пекинского договора 1860 г., был подписан ряд соглашений и протоколов, дополняющих основные положения этого договора.

В 1881 г. был заключен Петербургский договор, основное содержание которого относилось к упорядочению границ Китая и России в Средней Азии, но в его статье XVIII подтверждались постановления Айгуньского (1858 г.) соглашения, касающиеся права подданных обеих империй ходить на своих судах по Амуру, Сунгари и Уссури и торговать с жителями расположенных по этим рекам местностей. Статья XIX того же документа констатировала, что «постановления прежних договоров между Россиею и Китаем, не измененные данным договором, остаются в полной силе».

В начале XX в. было заключено несколько протоколов по уточнению границ на некоторых участках, проводившихся на основе ранее заключенных договоров. Таким был, например, Цицикарский договорный акт от 7 де-

---

[1] Кули — неквалифицированные рабочие. Использовались на тяжелых работах в Китае, а также вывозились в другие страны.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 157—158.

кабря 1911 г. по восстановлению государственной границы между Российской и Китайской империями на участке от пограничной точки № 58 Тарбага-Даху до пограничной точки № 63 Абагайту и далее по р. Аргунь до слияния ее с Амуром.

Таким образом, в начале XX в. территориальное разграничение между Россией и Китаем было практически завершено. Созданная после падения цинской династии в Китае республика подтвердила правомерность прежних договоров. Так, в Декларации президента Юань Шикая, с которой министр иностранных дел пекинского правительства Сун Баоци ознакомил русского посла в Пекине В. Крупенского 23 сентября 1913 г., говорилось: «Я сим объявляю о том, что все договоры, соглашения и другого рода обязательства, принятые и заключенные как бывшим цинским правительством, так и временным правительством Китайской республики со всеми иностранными правительствами, должны быть строго соблюдаемы».

* *
*

Длительный исторический процесс территориального размежевания между Россией и Китаем не был простым. Он начался в XVII в., когда Россия и Китай представляли собой типичные феодальные государства, главы которых проводили политику жестокого угнетения своих и порабощения других народов. Шел процесс создания многонациональных государств, составной частью которого было и освоение новых земель.

Россия в XVII в. быстро осваивала и присоединяла к себе территории Сибири и Дальнего Востока, населенные малыми народами, не имевшими своей государственности. Причем делалось это главным образом мирным путем. Русское правительство всячески стремилось к установлению добрососедских отношений и взаимовыгодных торговых связей с цинской империей и с этой целью посылало свои посольства в Пекин, часто не встречая в ответ соответствующего отношения. В 80-х годах XVII в. цинские правители даже вторгались в Приамурье, уже освоенное русскими людьми за несколько десятилетий до этого.

Поскольку Россия не проводила вооруженного захвата дальневосточных земель, у нее не было там крупных

контингентов войск, а имевшиеся казачьи отряды больше выполняли функции организованной рабочей силы в строительстве населенных пунктов и охранных крепостей. Цинское правительство, двинув многочисленные войска с артиллерией, принудило русских уйти с Амура. Но Нерчинским договором земли Приамурья и Приморья фактически не были разграничены — их государственная принадлежность была определена последующими русско-китайскими договорами, заключенными в середине прошлого века.

Во второй половине XIX в. в России складываются буржуазные отношения, а на рубеже XIX—XX вв. капитализм перерос в империализм. Политика русского самодержавия по отношению к цинскому Китаю становится такой же, как и колониальная политика других капиталистических государств, которые начали проводить ее значительно раньше России, еще с 40-х годов XIX в.

В. И. Ленин подвергал суровому осуждению колониальную политику русского царизма и правительств империалистических держав, организовавших карательную военную экспедицию по подавлению народного восстания ихэтуаней[1] в Китае. В статье «Китайская война», опубликованной в декабре 1900 г. в первом номере газеты «Искра», он гневно осуждал правительства тех стран, «которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства... Эту политику грабежа, — писал далее В. И. Ленин, — давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство»[2].

В. И. Ленин, рассматривая действия буржуазных правительств по отношению к Китаю как политику грабежа, подчеркивал, что она началась уже давно, тогда как царизм присоединился к этой политике лишь теперь — с наступлением эпохи империализма. Это замечание

---

[1] Ихэтуаньское («боксерское») восстание — стихийное восстание крестьян и городской бедноты Северного Китая в 1898—1901 гг. Повстанцы, называвшиеся ихэтуанями (европейцы прозвали их «боксерами»), выдвинули лозунг борьбы против иностранного засилья.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 379.

В. И. Ленина показывает, что он не ставит Айгуньский, Тяньцзиньский и Пекинский русско-китайские договоры в один ряд с военно-дипломатическими акциями западных держав и США на Дальнем Востоке или с акциями царизма в 1900 г. и в более позднее время. Именно их Советское правительство объявило неравноправными и отменило по собственной инициативе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРАВДА И ПЕКИНСКИЕ ВЫМЫСЛЫ О СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Советско-китайские отношения до образования Китайской Народной Республики (октябрь 1917 г. — октябрь 1949 г.)

В октябре 1917 г. в России свершилась социалистическая революция. Она коренным образом изменила ход развития всего человечества, стала мощным фактором ускорения мирового революционного процесса, открыла перед народами мира путь к освобождению от эксплуатации и угнетения.

В. И. Ленин и Коммунистическая партия большое значение придавали решению национальных проблем, установлению равенства народов. На II Всероссийском съезде Советов одним из основных вопросов был Декрет о мире, с докладом по которому выступил Владимир Ильич. Пришедшее к власти народное правительство сразу же заявило об отказе от всех договоров, заключенных за спиной народа. В Декрете говорилось: «Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам... Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным»[1].

[1] Документы внешней политики СССР, М., 1957, т. 1, с. 13.

Своим союзником в борьбе с международным империализмом Советское правительство считало угнетенные народы Востока, «головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители»[1]. В Обращении Совета Народных Комиссаров к трудящимся мусульманам России и Востока оно вновь заявило об уничтожении тайных договоров царского правительства с другими державами, ущемлявшими суверенные права восточных народов.

Обращение, как и другие известия о революции в России, дошли и до Китая, хотя надежной прямой связи между двумя столицами тогда не было. Уже в конце 1917 — начале 1918 г. китайские газеты писали о Советах солдатских и рабочих депутатов, которые проводят демократическую политику, лишенную каких-либо агрессивных намерений.

Советское правительство не только декларировало принципы своей политики равенства, но и с первых же дней стремилось установить нормальные дипломатические отношения со всеми странами. Уже в ноябре — декабре 1917 г. велись переговоры с посланником пекинского правительства в России Ли Цзиньжэнем, в ходе которых Советское правительство выдвинуло развернутую программу установления советско-китайских отношений на новой основе, в том числе предлагалось и решение вопроса о КВЖД. Переговоры были прерваны по указке империалистических правительств, державших под контролем действия пекинского правительства, и Ли Цзиньжэнь был отозван в Пекин. О зависимости китайских правителей от Запада свидетельствует также «Протокол заседания Русской и Китайской делегаций по пограничным вопросам» от 6 апреля 1918 г. на станции Мациевской. «На предложение представителя России, — говорилось в нем, — о том, что или китайские власти совместно с русскими ликвидируют семеновскую авантюру вооруженной силой, или китайские власти выдворят Семенова и его отряды из пределов Северного Китая (имеются в виду северные районы Маньчжурии. — *Авт.*), не допуская его возвращения туда в будущем, делегация Северного Китая ответила, что ни то, ни другое предложение для нее неприемлемо, так как китайцы, хотя и

[1] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 35.

занимают по отношению к Семенову нейтральную позицию, однако действие против семеновцев со стороны Китая обусловливается отношением других союзников к нему. Союзники еще не признали Русского Советского Правительства и не дали Китаю указаний, что нужно ликвидировать семеновское движение. Представители Северного Китая и их местные власти действуют согласно указаниям своего центрального правительства»[1] (разрядка наша. — *Авт.*). Об этом свидетельствуют и другие события. Весной 1920 г., после того как пекинское правительство получило из нескольких источников Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР от 3 декабря 1917 г., оно дало указание своим представителям установить неофициальные контакты с представителями Народного комиссариата иностранных дел. Китайской миссии в Копенгагене было поручено вступить в неофициальный контакт с главой советской делегации М. М. Литвиновым. В это же время пекинские власти направили во Владивосток некоего Фан Цигуана для встречи с В. Д. Виленским-Сибиряковым, передавшим текст Обращения Совнаркома китайскому консулу во Владивостоке. Фан Цигуан сообщил Виленскому-Сибирякову 22 мая 1920 г., что китайская сторона оценила «добрую волю Советского правительства», но, поскольку правительство Китая принадлежит к лагерю держав Согласия, оно не может вести политики, находящейся в противоречии с политикой этих государств. Как только страны Антанты признают Советское правительство, Китай последует за ними. Секретарь китайской миссии в Копенгагене сделал М. М. Литвинову заявление аналогичного характера.

Несамостоятельность центрального пекинского правительства просматривается и в случае с поездкой в Москву миссии Чжан Сылиня летом 1920 г. Хотя миссия и не имела необходимых полномочий для ведения переговоров с Советским правительством, ее тепло встретили в Москве, создали необходимые условия для работы, считая ее приезд благоприятным фактором для развития советско-китайских отношений. 18 октября 1920 г. пекинское правительство сообщило об отозвании Чжан Сылиня. Перед отъездом глава китайской миссии был

[1] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 229.

принят наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным, а 2 ноября — В. И. Лениным. В. И. Ленин выразил уверенность в том, что приезд миссии приведет к сближению Китая с Советской республикой и что связь Китая и РСФСР упрочится, так как их объединяют общие цели борьбы с империализмом.

В 1917-м и в последующие годы Китай не был единым централизованным государством с авторитетным для всей страны правительством. И это учитывала советская дипломатия. «В отношении китайцев надлежит помнить, — разъяснял НКИД международным отделам краевых Советов, — что нынешнее пекинское правительство не является выразителем воли китайского народа и ведет борьбу с поднявшим восстание против реакционного севера народом Южного Китая, образовавшим Федеративную Республику. В Северном Китае действуют, совершенно независимо от Пекина, генералы-монархисты...» [1]

Естественно, что в такой обстановке Советское правительство симпатизировало революционному Югу, выразителем взглядов которого был Сунь Ятсен. Еще весной 1918 г. последний высказывался за признание Советской России государствами Азии, а летом того же года от имени парламента Южного Китая и китайской революционной партии (гоминьдан, преобразованный в 1920 г. в гоминьдан) приветствовал революционную борьбу России, выражая надежду, что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы. От имени В. И. Ленина отвечал Сунь Ятсену Г. В. Чичерин. В ответном письме он писал: «... в этот момент русские трудящиеся классы обращаются к их китайским братьям и призывают их к совместной борьбе» [2]. И хотя данное письмо не было вовремя доставлено Сунь Ятсену, оно ясно показывает отношение Советской власти к Китаю, ее ориентацию на совместную борьбу русского и китайского трудового народа с империализмом, на дружбу с революционными и демократическими силами Китая.

Сунь Ятсен и его ближайший соратник Ляо Чжункай в ответ на Обращение и письма руководителей Советского государства не упускали случая вступить в контакты с представителями Советской страны и Коминтерна,

[1] Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 110.
[2] Там же, с. 416.

приезжавшими в начале 20-х годов в Китай. Не только Сунь Ятсен и его ближайшие соратники, но и весьма широкие круги национальной буржуазии в гоминьдане и вне его видели в Советской России «знамя объединения всех угнетенных наций и притесняемых наций в борьбе против мирового империализма», признавали, что успеха нельзя добиться «без союза со всеми нациями, относящимися к Китаю как к равному» [1].

Однако если Сунь Ятсен, великий китайский революционер-демократ, сумел подняться над буржуазным национализмом, пойти на союз с Советской страной, с компартией Китая, с рабочим и крестьянским движением в своей стране, то значительная часть гоминьдановцев рассчитывала использовать политику и опыт Советской России только в своих узкоклассовых интересах для возрождения могущественного националистического Китая.

К революционным преобразованиям в России дружественно относилась и прогрессивная печать Китая. Вначале это была руководимая Сунь Ятсеном газета «Миньго жибао», а после 4 мая 1919 г. — журнал «Синь циннянь» («Новая молодежь»), хотя в условиях принадлежности большой прессы крупным милитаристам в Китае в периодических изданиях больше перепечатывались клеветнические статьи из зарубежной прессы. Большую прогрессивную роль сыграли статьи и корреспонденции из Советской России, посылаемые корреспондентом пекинской газеты «Чэньбао», другом Советской страны, ставшим затем одним из руководителей КПК, Цюй Цюбо.

Известный китайский историк и публицист Чжэн Чженьдо писал о нем: «В своих сообщениях из Советской России... он добросовестно и вдохновенно рассказывает китайскому народу всю правду о тяжелой, героической борьбе первого в мире социалистического государства, о том, как под руководством великого учителя Ленина рабоче-крестьянские массы России одолели своих врагов, как они, невзирая на неисчислимые трудности, стоявшие на их пути, строят новое, светлое социалистическое общество. И сердца огромного множества людей, читавших его корреспонденции, обратились к Советскому Союзу — надежде всего человечества» [2].

[1] Цит. по: Проблемы Дальнего Востока, 1977, № 4, с. 166.
[2] Цюй Цюбо. Очерки и статьи. М., 1959, с. 3—4.

Интерес к России вызывался резким контрастом между традиционной империалистической политикой крупнейших стран Запада в Китае, последним примером которой был Версальский мирный договор, и дружественной политикой Советской России по отношению к Китаю. В определенной степени поворот китайского общества в сторону России объясняется просветительской деятельностью первых китайских марксистов, создавших в стране небольшие общества: Общество изучения марксизма, Общество изучения России и другие, выступавших на страницах легальной прессы. Среди них первое место принадлежит одному из организаторов коммунистического движения в Китае, пламенному революционеру профессору Пекинского университета Ли Дачжао. Он писал: «Русская революция — это революция начала XX века; она опирается на принципы социализма; она является революцией социальной, но в то же время она носит характер мировой революции»[1]. 5 января 1919 г. в статье «Новая эра» он писал о влиянии Октябрьской революции на Китай: «Во мраке Китая, в могильной тишине Пекина блеснул луч зари. Это было подобно тому, как в глубоком мраке ночи крошечная звездочка освещает путь появившемуся на свет человеку. Мы должны идти по этому светлому пути, всеми силами стремиться вперед, чтобы хоть что-то сделать на благо человечества»[2].

С первых дней существования Советской власти в России советская пресса, отражая настроения советских людей, уделяла большое внимание борьбе китайского народа за свое национальное и социальное освобождение. Материалы «Правды» и «Известий» первых послеоктябрьских лет о Китае были проникнуты уважением к национальным правам китайского народа, симпатией к его стремлению обрести свободу и демократию, встать на путь социальных преобразований.

1917—1920 годы были трудными для Китая как в международном, так и во внутригосударственном плане. Он подвергался грубому третированию со стороны империалистов Европы, Америки и Японии.

В этой обстановке печать Советской России начала публиковать содержание тайных договоров, относящихся

[1] Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, с. 69.

[2] Там же, с. 71.

к Китаю. Одним из первых разоблачению было подвергнуто тайное соглашение между царской Россией и Японией, подписанное 3 июля (20 июня) 1916 г. «Правда» 29 декабря 1917 г. выступила со статьей «Порабощение Китая (По секретным документам бывшего министерства иностранных дел)», в которой соглашение характеризовалось как «типичный империалистический документ». Хотя Китай в конце первой мировой войны был в числе стран Антанты, и следовательно стран-победительниц, японским дипломатам, за спиной которых стояли агрессивные круги Японии, удалось склонить на свою сторону Англию, Францию, Италию, а затем и США. Результатом сговора за спиной Китая явились статьи 156—158 Версальского договора, по которому все права и привилегии Германии в Китае целиком переходили к Японии.

Советские люди гневно клеймили решение империалистических правительств, передавших бывшие германские колонии Японии, выступая с поддержкой патриотического движения китайской молодежи «4 мая»[1]. Выражением братской солидарности трудящихся Советской России с борющимся народом Китая явился документ большого исторического значения — «Обращение Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. Появление этого документа по времени совпало с продолжавшимися в Китае антиимпериалистическими выступлениями против решения Парижской конференции. В этом Обращении впервые Китаю предлагались новые формы взаимоотношений, были конкретно названы договоры между Россией и Китаем, которые рассматривались Советским правительством как неравноправные. В нем подчеркивалось, что рабоче-крестьянское правительство России сразу же после Октябрьской революции объявило уничтоженным все т а й н ы е договоры (разрядка наша. — *Авт.*) с Китаем, Японией и бывшими союзниками из лагеря стран Антанты (по поводу Китая). В Обращении напоминалось предложение Советского правительства китайскому правительству «вступить в переговоры об аннулировании Договора 1896 года, Пекинского протокола 1901 года и всех соглашений с Японией

[1] Движение «4 мая» 1919 г. — массовое антиимпериалистическое выступление прогрессивной общественности Китая, первый отклик на победу Великой Октябрьской социалистической революции.

с 1907 по 1916 г. ...»[1] «Было заявлено о готовности отказаться от прав России по договорам, в которых шла речь о сферах влияния в Китае, о правах экстерриториальности и консульской юрисдикции, о факториях и привилегиях русских купцов на китайской земле, о русской доле контрибуции, навязанной империалистическими странами Китаю после подавления восстания ихэтуаней. Советская Россия готова была отказаться от своих прав по всем такого рода договорам, независимо от того, были они заключены с Китаем или с третьими странами по поводу Китая»[2] (разрядка наша. — *Авт.*).

Предложения РСФСР не встретили ответной положительной реакции у пекинских властей. Вместе с тем, отвечая на нажим со стороны Японии, правительство Дуань Цижуя приняло участие в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке. 16 мая 1918 г. была подписана японо-китайская конвенция об отправке японских и китайских войск под общим японским командованием в Сибирь и районы советского Дальнего Востока, а в сентябре того же года — другая японо-китайская конвенция с уточнением роли китайских войск под японским командованием в Амурской области и Забайкалье.

Роль китайских милитаристов в японской интервенции на Дальнем Востоке была значительной. Дуань Цижуй и милитаристская клика Чжан Цзолиня предоставили Японии североманьчжурский плацдарм, построенную Россией Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), водные коммуникации по Сунгари и Амуру для перегруппировки и переброски японских войск, обеспечивали формирование, пополнение белогвардейских частей Семенова, Калмыкова и других, пропуская банды через маньчжурскую границу на территорию Приморья, Приамурья и Забайкалья. В секретном приложении к упомянутому выше японо-китайскому соглашению от 16 мая 1918 г. китайская сторона взяла на себя: охрану тыловых коммуникаций японских войск на территории Маньчжурии, обеспечение их свободного продвижения по Сунгари и Амуру, предоставление японскому командованию плавсредств и проводку их по фарватеру; обязанность предоставлять магистраль КВЖД для перевозки

[1] Документы внешней политики СССР. М., 1958, т. 2, с. 221.

[2] Николаев Ф. Как в Пекине фальсифицируют историю. — В кн.: Территориальные притязания Пекина: современность, история. М., 1979, с. 245—246.

японских войск и охранять эшелоны; закупку на территории Маньчжурии продовольствия для японских войск; обязанность приглашать японских офицеров-инструкторов для обучения частей китайских войск, несущих охрану и гарнизонную службу от Урги до Читы; обещание не препятствовать формированию оказавшихся на территории Маньчжурии русских войск и пропускать их через границу на территорию русского Дальнего Востока. Китайское правительство согласилось на ввод в северную часть Маньчжурии 60 тыс. японских войск, на пропуск через Северную Маньчжурию войск японской Квантунской армии, действовавших совершенно независимо от союзных войск под руководством штаба Квантунской армии в Порт-Артуре и генерального штаба в Токио.

Наряду с этим китайские войска приняли непосредственное участие в иностранной военной интервенции против молодой Советской республики на Дальнем Востоке.

Этими действиями китайских властей были возмущены китайские трудящиеся в России и в самом Китае, которые на своих митингах и собраниях требовали проведения дружественной политики в отношении Советской России.

27 сентября 1920 г. НКИД РСФСР в специальной ноте повторил положения Обращения 1919 г. и вновь подчеркнул, что НКИД «неуклонно будет придерживаться тех принципов, которые изложены в Обращении Русского Советского Правительства от 25 июля 1919 года, и положит их в основу дружественного соглашения между Китаем и Россией»[1]. Однако положение не изменилось. Пекинские власти сделали вид, что они поняли советское заявление как односторонний отказ, и не спешили с соответствующими переговорами. Между тем ссылаться на ноту 1920 г. как на доказательство одностороннего отказа Советского правительства от каких-то договоров не было никаких оснований. Это касается не только предложений об аннулировании неравноправных договоров, но и предложений Советского правительства об отказе от русской доли контрибуции за восстание ихэтуаней. Объясняя юридическую сторону дела, советское представительство в Китае в ноте от 13 декабря 1923 г. отмечало: «Ноты Советского Правительства от 1919 и 1920 гг. действительно говорят об от-

[1] Документы внешней политики СССР. М., 1959, т. 3, с. 214.

казе от боксерской контрибуции. Но одного того факта, что Китайское Правительство ознакомилось с их содержанием, недостаточно для того, чтобы оно могло освободиться от формальных обязательств, наложенных на него заключительным протоколом 1901 г. Ноты Советского Правительства заключают в себе, с одной стороны, изложение точки зрения на все русско-китайские вопросы и, с другой стороны, предложение заключить на этих основах соглашение. Но, к сожалению, Китайское Правительство не дало еще надлежащего ответа на эти ноты, и, как известно, до сих пор никакого соглашения между Китаем и Союзом не заключено. То, что Китайскому Правительству известно их содержание, еще не дает никакого права последнему основывать свои действия на их тексте. Китайское Правительство приобретает права, вытекающие из принципов советских деклараций, лишь в том случае, когда эти принципы будут оформлены двусторонним актом, имеющим международное значение» [1].

Переговоры об установлении дипломатических отношений и развитии дружественных связей между двумя государствами все эти годы не давали положительных результатов. Причины были все те же — часто сменявшиеся правительства в Пекине находились в зависимости от иностранных держав и воли отдельных милитаристов, также ищущих покровительства у тех или иных империалистических держав. Велась политика в угоду иностранцам, а не в интересах китайского народа.

США, Франция, Англия и Япония использовали всевозможные средства, чтобы сорвать установление нормальных советско-китайских отношений. Но шло время, и менялась обстановка в мире. Западные страны под давлением объективного развития истории и успехов СССР на международной арене вынуждены были признать СССР, антисоветский фронт давал трещины. 1 февраля 1924 г. Советский Союз признало английское правительство, 7 февраля — итальянское.

Китайское правительство не могло дальше затягивать урегулирование отношений с СССР. Была достигнута договоренность о порядке переговоров, разработаны проекты соглашений, и 13 марта они были парафированы. В связи с этим последовал грубый выпад США с угрозами в адрес китайского правительства о «серьезных» последствиях возможного возобновления формальных сношений между

[1] Документы внешней политики СССР. М., 1962, т. 6, с. 538.

Советским и китайским правительствами. Но на этот раз дипломатический нажим не достиг цели. 31 мая 1924 г. советско-китайское Соглашение было подписано.

Этому способствовало, во-первых, то, что в Китае поднялось движение против срыва ратификации Соглашения и, во-вторых, что внутриполитическая обстановка в стране накалялась: готовилась очередная схватка между крупными группировками милитаристов, укрепились позиции гуанчжоуского правительства, где работали советские советники. Желая укрепить свое положение в этой междоусобной войне, руководители пекинской группы пошли на подписание Соглашения.

Советско-китайское Соглашение от 31 мая 1924 г. включало статьи об отказе правительства СССР от специальных прав и привилегий, касающихся всех концессий, приобретенных царским правительством, от прав экстерриториальности, об аннулировании в соответствии с заявлением Советского правительства от 1919 и 1920 гг. договоров, соглашений, затрагивающих суверенные права и интересы Китая и заключенных между царским правительством и какой-либо третьей державой или сторонами, о недопущении в пределах своих территорий существования или деятельности каких-либо организаций или групп, ставящих своей задачей борьбу против правительства другой страны. Предполагалось, что вслед за подписанием Соглашения в течение одного месяца должна состояться конференция сторон для обсуждения других вопросов.

Соглашение было тепло встречено демократической общественностью Китая. Так, газета «Бэйцзин жибао» в статье от 2 июня 1924 г., озаглавленной «Счастливейшее событие», писала, что весь китайский народ единодушно одобряет Соглашение, «так как лучшего договора Китай никогда не подписывал ни с одной иностранной державой... Советское правительство полностью осуществило те высокие принципы, которые были изложены в декларациях 1919 и 1920 гг. Соглашение открывает новую эру сношений между двумя великими соседними странами Азии». Эта высокая оценка китайско-советского Соглашения была подтверждена в 1945 г. и Мао Цзэдуном на VII съезде КПК: «Советский Союз первым отказался от неравноправных договоров и заключил с Китаем новые равноправные договоры» [1].

[1] Цит. по: Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975, с. 203.

Крупные капиталистические державы смотрели на Китай как на неполноправную сторону и поэтому назначали в Пекин дипломатические представительства второго ранга — миссии. Осуществляя Соглашение 1924 г., Советское правительство в ноте от 17 июня 1924 г. сообщило правительству Китая «о своей готовности учредить в Пекине Посольство СССР, а также принять в Москве Посольство Китайской Республики». В ответной ноте китайское правительство сообщало, что оно «весьма польщено этим новым доказательством того, что Советское правительство остается верным принципам равенства, взаимности и справедливости в своих отношениях с Китаем»[1].

В соответствии с Соглашением стороны должны были в течение месяца собраться на конференцию для выработки соответствующих соглашений. Но китайская сторона стала тянуть со встречей, и сторонам удалось собраться лишь в августе 1925 г. На конференции обсуждались разные вопросы в подкомиссиях, в том числе по уточнению границ, но такая подкомиссия провела лишь три заседания, а потом в Китае началась междоусобная война. В июне 1926 г. переговоры были прекращены.

Таким образом, вопрос о «проверке своих национальных границ», поднятый статьей 7 Соглашения 1924 г., не был рассмотрен сторонами на советско-китайских переговорах в 1925 — 1926 гг. в Пекине. При этом надо отметить, что речь шла лишь о «проверке», о «редемаркации границ», что вовсе не означает ревизии русско-китайских договорных актов о границе. Такого намерения у сторон при заключении Соглашения 1924 г. не было, да и не могло быть. Напротив, советская и китайская стороны в своих соглашениях — Пекинском от 31 мая 1924 г. (ст. 7) и Мукденском от 20 сентября 1924 г. (ст. 2) — ясно подтвердили, что они будут «держаться настоящих границ». Затем и северные милитаристы[2], и пекинское правительство, а впоследствии правительство Чан Кайши, унаследовавшие былые представления о Вселенной от китайских богдыханов, начали выдвигать далеко идущие требования

[1] Цит. по: Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе, с. 199—200.

[2] Милитаристы — правители одной или нескольких провинций в Китае, сосредоточивавшие в своих руках военную и административную власть. Постоянно враждовали между собой. Иногда создавали группировки. В северную, в частности, входили У Пэйфу, Цао Кунь и др.

о пересмотре границ между СССР и Китаем в пользу последнего.

Подталкиваемые иностранными империалистами на обострение отношений с Советским Союзом, гоминьдановские правители не утруждали себя поисками исторической истины в формировании нынешних границ. Они просто делали упор на событиях XIX в., когда в результате ряда причин цинский Китай потерял многие из национальных прав Китая и заключил целый ряд неравноправных договоров с западными державами. Спекулируя на национальных чувствах китайского народа, они выдвинули реваншистский тезис «возвращения утраченных цинской империей территорий». В ход был пущен сфальсифицированный тезис, будто Советское правительство объявило неравноправными все договоры, заключенные Россией с Китаем, в том числе пограничные, и аннулировало их своими актами 1917 — 1924 гг. Поэтому, делали они вывод, границу между двумя странами необходимо определять заново.

В 1926—1929 гг. чанкайшисты развернули широкую антисоветскую кампанию, которая сопровождалась враждебными действиями против советских консульских и хозяйственных учреждений, захватом КВЖД, налетом белогвардейских бандитов и войск китайских милитаристов на территорию СССР и завершилась разрывом советско-китайских дипломатических отношений. В июле 1929 г. китайские власти с помощью полиции и банд белоэмигрантов захватили ключевые пункты на КВЖД, закрыли торгпредство СССР и другие советские учреждения, арестовав свыше 200 советских граждан. С арестованными обращались грубо, подолгу держали их без пищи и воды.

Уже в те годы (или даже несколько раньше) был разработан и начал применяться метод так называемой «картографической агрессии». Суть его заключалась в том, что международным актам, определявшим границы страны с соседями, стало даваться иное толкование, чем в момент заключения. С позиций растущего национализма и дутых амбиций в Китае стали заново переоценивать документы и на этой основе выражать с ними свое несогласие. Китайские власти начали издавать карты, в которых не принадлежащие Китаю территории сопредельных государств обозначались как китайские. Так, если, например, на картах, помещенных в «Новом атласе и коммерческом справочнике Китая» и «Атласе территорий

Китая различных эпох», изданных в Шанхае соответственно в 1918 и 1923 гг., границы Китая были еще в приблизительном соответствии с действительным положением, то в «Новом атласе Китая», изданном в 1926 г. в том же Шанхае, имеются уже серьезные отступления от действительности. В состав китайской территории были включены не только Монгольская Народная Республика, но и значительные районы других соседних стран: весь Памир, так называемый афганский коридор, обширные районы Киргизии, Таджикистана, Казахстана, вся северная часть Бирмы и т. д.

Видный советский военачальник времен гражданской войны комкор В. М. Примаков в первой половине 20-х годов с группой военных советников работал в так называемых национальных армиях Фэн Юйсяна. Это был сравнительно прогрессивный в то время милитарист Северного Китая, не раз заявлявший о дружеских чувствах к Советскому Союзу. В своей книге «Записки волонтера» В. М. Примаков описывает первый визит в штаб Фэн Юйсяна. На видном месте у входа в штаб советники увидели висевшую на стене огромную карту Китая. На ней Китай изображался в границах до вторжения в него иностранных государств. Косыми штрихами была отмечена территория провинций, «отнятых» у Китая. На поверхности штриховки сделана надпись: «Эти земли уже больше не наши». Название карты—«Карта национального позора». К числу провинций, которые обозначены «отнятыми», относились район Владивостока, Монголия, ставшая республикой, долины Туркестана и другие. Советские специалисты потребовали разъяснений, и карта была убрана. Но ведь это в одном месте. В масштабе Китая подобные притязания не снимались с повестки дня. В последующие годы такие домогательства гоминьдановских деятелей разного рода продолжались. Так, во время спровоцированного китайцами конфликта на КВЖД в 1929 г. вновь раздавались призывы к возврату земель, прав и отмены «неравноправных договоров». В ноте заместителя народного комиссара иностранных дел СССР поверенному в делах Китая в СССР в те дни (13 июля 1929 г.) вновь разъяснялась советская точка зрения:

«Правительство СССР само по своей инициативе еще в 1919 г. обратилось к китайскому народу с декларацией, в которой заявило о своей готовности уничтожить все неравные договоры, заключенные между Китаем и царской

Россией. В договоре 1924 года эти свои заявления Правительство СССР реализовало. Правительство СССР добровольно отказалось в пользу Китая от концессий в Таньцзине и Ханькоу. Оно добровольно отказалось от консульской юрисдикции и экстерриториальности для своих граждан в Китае. Оно по собственной же инициативе отказалось от боксерской контрибуции, передав ее на дело просвещения китайского народа. Наконец, оно также добровольно отказалось от всех тех привилегий, которые были предоставлены России на КВЖД, а именно: от права иметь в Китае свои войска, полицию, суд и от других военно-административных функций, которые до того были прерогативой русских властей на КВЖД и во всей полосе отчуждения этой дороги. Этот отказ от всех привилегий, которыми до сих пор пользуются иностранные государства, с которыми Китай находится в нормальных отношениях, был проявлением социалистического характера внешней политики Советского государства...» [1]

После конфликта на КВЖД правители Китая пошли на переговоры. 11 октября 1930 г. в Москве открылась советско-китайская конференция, которая по вине китайской стороны не решила ни одного вопроса: ни о КВЖД, ни о торговом соглашении, ни о восстановлении дипломатических отношений, прерванных в 1929 г.

В начале 30-х годов Китай, по существу, остался один на один с японским агрессором, который напал на него. В этих условиях чрезвычайно важное значение для Китая имело восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом. Это было особенно необходимо потому, что из великих держав только СССР решительно выступал против агрессии и войны. Некоторые видные деятели гоминьдана, в частности Сунь Фо, впоследствии признавали, что японская военщина не вела бы себя столь нагло в отношении Китая, если бы последний сохранил дружественные отношения с Советским Союзом.

Политика гоминьдановского правительства вызывала возмущение патриотов Китая. Под давлением массовых выступлений правительство вынуждено было заявить о готовности восстановить дипломатические отношения. Советский Союз ответил согласием. 12 декабря 1932 г. дипломатические отношения между двумя странами были

---

[1] Советско-китайский конфликт 1929 г.: Сборник документов. М., 1930, с. 25—26.

возобновлены. В последующие годы официальные представители Китая стали искать и более тесных отношений со своим соседом.

При встречах с ответственными сотрудниками советского посольства в Китае представители правительства и ЦИК гоминьдана, как правило, проводили мысль, что Китай нуждается в большей помощи, чем равноправные договоры, что «ему нужны танки, самолеты» и т. п. Значение равноправных договоров не отрицалось.

9 октября 1935 г. нанкинский министр финансов Кун Сянси в беседе с советским послом Д. В. Богомоловым прямо интересовался, может ли Китай рассчитывать на советскую материальную помощь в войне с Японией. 18 октября с послом говорил уже сам глава правительства Чан Кайши. 19 ноября 1935 г. Д. В. Богомолову было дано указание сообщить китайскому правительству, что Советское правительство готово продавать военное снаряжение Китаю.

В эти годы гоминьдановское правительство, в котором было сильно крыло прояпонцев, вело двойственную политику: зондировало позиции Советского Союза о помощи и одновременно вело переговоры с японским правительством о возможном соглашении. Советский посол, анализируя политику пекинского правительства, в конце 1935 г. делал выводы, что нанкинские лидеры «хотели бы ускорить возможное столкновение между нами и Японией...» [1].

Ведущими элементами советской политики по отношению к Китаю были морально-политическая поддержка китайского народа, борьба за систему коллективной безопасности и принятие совместных с крупнейшими державами мира мер по пресечению агрессии. Из этих принципиальных установок вытекало содействие объединению внутренних сил Китая против агрессии. Коммунисты были за объединение, а Чан Кайши согласился на переговоры с Компартией только после длительного и упорного сопротивления. 19 декабря 1935 г. проблема урегулирования отношений между гоминьданом и КПК обсуждалась при встрече Чан Кайши с советским послом. Чан просил посредничества.

Нападение Японии на Китай 7 июля 1937 г. заставило Чан Кайши пойти на установление более тесных отношений с Советским Союзом. 21 августа 1937 г. был подписан Договор о ненападении между СССР и Китайской республикой. Этот Договор имел исключительно важное значение для Китая, являясь выражением поддержки Советским Союзом борьбы китайского народа против японских захватчиков.

---

[1] Документы внешней политики СССР. М., 1973, т. 18, с. 587.

Советский Союз добросовестно выполнял взятые на себя обязательства. На протяжении всей японо-китайской войны 1937—1945 гг. симпатии СССР целиком были на стороне Китая. Кроме того, Советский Союз оказал китайскому народу большую помощь в виде займов, поставок оружия, предоставления услуг специалистов, посылки добровольцев-летчиков, сражавшихся в небе Китая против японских агрессоров. Китайские политические и общественные деятели, в особенности коммунисты и другие прогрессивные элементы, не раз выражали благодарность СССР за помощь Китаю в трудной войне. В течение 1937—1941 гг. СССР был единственной державой, оказывавшей Китаю серьезную помощь.

На заключительном этапе второй мировой войны СССР пришел на помощь Китаю полуторамиллионной группировкой войск и разгромил японскую Квантунскую армию. Этим самым он освободил Северо-Восточный Китай и дал возможность прогрессивным силам Китая продолжить борьбу за социальное освобождение. В Договоре от 14 августа 1945 г. статья 5 гласила о взаимном уважении территориальной целостности. В Договоре не затрагивался вопрос о границе или пограничном урегулировании.

После окончания второй мировой войны Советское правительство оказывало большую моральную, политическую, экономическую и военную помощь китайскому народу в создании маньчжурской революционной базы, в укреплении демократических сил на северо-востоке Китая. Именно оттуда развернулось мощное наступление НОАК против гоминьдановских войск, находившихся в Северном, Центральном и Южном Китае. Гоминьдановские деятели и пресса прилагали неимоверные усилия, чтобы очернить политику Советского Союза в Китае, Азии и во всем мире. Они сочиняли небылицы о военных приготовлениях СССР против Китая, призывали «мудрых американских дипломатов» со всей серьезностью отнестись к опасности азиатской политики СССР. И на разные голоса призывали создать блок стран Азии под руководством Китая.

Таким образом, советско-китайские отношения до создания Китайской Народной Республики характеризовались тем, что Советский Союз неизменно проводил в отношении Китая политику дружбы и сотрудничества, оказывал ему всяческую помощь и поддержку в его борьбе за национальную независимость, свободу, прогресс. Отмена правительством СССР неравноправных договоров и ведение равноправной политики в отношении Китая в условиях, когда империалистические государства относились к нему как к второстепенному зависимому государству, имело громадное значение. Но правители Китая хотя открыто и не ставили вопрос в отношении территорий, но подспудно, тайно воспитывали китайский народ в духе претензий к СССР.

Советско-китайские отношения после образования КНР (октябрь 1949 г. — июнь 1980 г.)

В результате многолетней борьбы и всесторонней помощи Советского Союза китайский народ добился права создать свое свободное и независимое государство — Китайскую Народную Республику. Этот акт был провозглашен 1 октября 1949 г. Первым КНР признало правительство Союза Советских Социалистических Республик. Через два с половиной месяца председатель центрального правительства КНР Мао Цзэдун прибыл в Москву и в первом своем заявлении сказал:

«Почти в течение 30 лет советский народ и Советское правительство неоднократно оказывало помощь делу освобождения китайского народа. Эта братская дружба со стороны советского народа и Советского правительства, которой удостоился китайский народ в дни тяжелых испытаний, никогда не будет забыта».

Во время этого же визита был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г., в котором содержалось обязательство сторон о взаимном уважении территориальной целостности друг друга. В договоре нет никаких положений, оговорок и даже намеков на существование какой-либо территориальной проблемы и необходимости ее разрешения в будущем. Именно об этом говорил Мао Цзэдун 16 декабря 1949 г., когда заявлял миру, что после Октябрьской социалистической революции Советское правительство первым аннулировало неравноправные договоры в отношении Китая, существовавшие во времена царской России.

В 1952 г. Советский Союз передал КНР по просьбе последней полные комплекты топографических карт с обозначением линии границы, и с китайской стороны тогда не было высказано каких-либо замечаний в отношении показанной на картах границы. Эта линия соблюдалась на практике. К этому времени среди множества договоров и соглашений по самым различным аспектам советско-китайских отношений были заключены соглашения, касавшиеся пограничных вопросов, главным образом обеспечения нормального судоходства по пограничным рекам, в том числе «Соглашение о порядке плавания по пограничным рекам Амур, Уссури, Аргунь, Сунгача и озеру Ханка и об установке судоходной обстановки на этих водных путях» от 2 января 1951 г.

Тогда не было пограничных конфликтов и споров, которые препятствовали бы дружбе и сотрудничеству советского и китайского народов. На всем огромном протяжении границы между двумя странами царили мир и взаимное уважение, крепли дружба и соседские отношения приграничных областей и провинций. «Укрепление сплоченности с Советским Союзом и со всеми социалистическими странами, — заявил председатель Государственного совета КНР Чжоу Эньлай на сессии Всекитайского собрания народных представителей в апреле 1959 г., — таков основной курс нашей страны» [1]. Так было в первое десятилетие существования КНР.

Китайские коммунисты-интернационалисты и до победы революции 1949 г., и в первые 10 лет существования КНР проводили большую работу по воспитанию членов КПК и китайских трудящихся в духе верности идеям Октября, братской дружбы народов Китая и Советского Союза. Так, в обращении I Всекитайского съезда Советов в ноябре 1931 г. «Всем эксплуатируемым массам и революционным солдатам Китая» говорилось: «Японский империализм мобилизует свои силы в Маньчжурии для массового убийства китайского народа. Он ведет вооруженные белогвардейские отряды и отряды бандитов с целью разрушения КВЖД, чтобы спровоцировать Советский Союз. Он подготовляет вторжение в Советский Союз... Съезд призывает рабочих, крестьян и эксплуатируемые массы всей страны с оружием в руках защищать Советский Союз, бороться против насильственной оккупации

[1] Правда, 1959, 19 апр.

Маньчжурии...» Во время восстания в одной из гоминьдановских дивизий в 1928 г. руководители выступления Пын Дэхуай, Хуан Гунлюэ и Тэн Дайюань, формулируя задачи будущего 5-го корпуса Красной Армии, записали, что он должен «защищать СССР, иметь союз с бедняками и угнетенными нациями, бороться с империалистами». Такой же политики придерживались китайские коммунисты и в первые годы после создания КНР. Но в партии активно действовали националистические элементы и их лидер Мао Цзэдун. Он не только состоял в партии, он был ее официальным руководителем, наставником, идеологом, но имел далеко не марксистские взгляды как на социалистическую ориентацию страны, так и на вопросы взаимоотношений с соседними странами, в том числе и с Советским Союзом.

Мао Цзэдун никогда не был марксистом. В молодые годы он приобщился к популярному в то время течению среди китайской молодежи — поисков путей освобождения полуколониального, полуфеодального Китая от иностранной зависимости и возрождения страны на основе китаецентристских догм. Он страстно желал власти в стране. Ему импонировали сильные, по его мнению, личности из истории Китая, такие, как император Цинь Шихуан, Лю Бан, которые когда-то на крови соотечественников пришли к власти и сделали Китай по тому времени сильным государством, имевшим большое внешнее влияние.

После первой мировой войны в Китае поднялось массовое движение демократически настроенной молодежи за новый путь развития, за борьбу против господства империалистических держав в стране. В это время в России совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, идеи которой нашли благоприятный отклик и в Китае. Тогда-то Мао и приобщился к коммунистическому движению, хотя идеалы коммунизма были чужды ему. Все его «увлечение» социализмом ограничивалось сугубо утилитарным подходом, стремлением к использованию возможностей социалистического движения для решения задач, несовместимых с подлинным социализмом. Его цели лежали в другой плоскости — они носили великодержавно-шовинистический характер.

Мао Цзэдун уже в первой половине 50-х годов устранился от руководства экономическим строительством, сосредоточив, как тогда писали, свое внимание на идеологической работе. Время показало, что, в то время как другие руководители создавали основы социалистического базиса нового Китая, Мао за кулисами готовил переворот, который принял потом форму пресловутой «культурной революции».

С середины 50-х годов некоторые китайские руководители стали подыгрывать националистическим настроениям Мао Цзэдуна. Они, как и Мао, понимали, что на их великодержавно-гегемонистическом пути к мировому господству стоит и будет стоять крепнувшее социалистическое содружество во главе с Советским Союзом. И Мао стал организовывать борьбу против Советской страны.

Открытые выступления антисоветского характера начались уже в 1956—1957 гг. С великодержавно-шовинистическими, великоханьскими призывами тогда выступили буржуазные правые элементы. Но выступали они на страницах центральной и провинциальной печати — органах КПК. Причем руководство КПК длительное время воздерживалось от разоблачения клеветнических выступлений правых. С начала мая и до середины июня 1957 г. правым была предоставлена трибуна для широкой пропаганды своих взглядов на страницах печати, на митингах, по радио. Руководство КПК под предлогом готовности заслушать мнение масс о деятельности КПК фактически поощряло правых к выступлениям. С этой целью был пущен в оборот лозунг «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Антисоветская направленность этих выступлений наглядно отражается в следующих примерах. Орган провинциального комитета КПК соседней с СССР провинции Хэйлунцзян — газета «Хэйлунцзян жибао» широко цитировала заявления некоего Цзинь Юйхая, призывавшего к «возвращению земель, захваченных Советским Союзом», к борьбе против СССР до последней капли крови под лозунгом «мести». «Если бы сейчас передо мной стоял советский человек и американец, — заявлял этот озверевший антисоветчик, — и у меня был бы всего один патрон, то я, вне всякого сомнения, застрелил бы советского человека». В другой газете, уже в Центральном Китае, — «Чанцзян жибао» — некий Чжун Юйвэнь проводил мысль, что «Владивосток и Монголия — китайские территории». И все это в условиях, когда официальные руководители партии и страны заверяли советских людей в вечной и нерушимой дружбе. Из-за попустительства китайских властей (а может быть, и по пла-

пу сторонников Мао) правые начали переходить к прямым провокациям против советских людей в Китае, издавали массовыми тиражами сборники с антисоветскими высказываниями. Официально, для виду их покритиковали, но выдвинутые правыми территориальные претензии к СССР руководители КПК не отвергали ни в какой форме. Так было положено начало разрушению сложившихся добрососедских отношений.

Прикрываясь пышными и громкими словами о значении дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, возглавляемое Мао Цзэдуном руководство КПК в эти годы шаг за шагом отходило от политики укрепления советско-китайских отношений, готовило условия для открытых выступлений против КПСС и СССР.

В руководстве КПК стали прибегать к гоминьдановским концепциям «возврата утраченных территорий», издавать учебники истории и карты (1954 г.) с включением в границы Китая территорий, принадлежащих СССР, как, впрочем, и других соседних государств. Развернулась вновь «картографическая агрессия». В 60-е годы эта провокационная деятельность получила больший и более откровенный размах. Китайские руководители стали делать ставку на новую мировую войну, прежде всего на вооруженное столкновение Советского Союза с Соединенными Штатами, в результате которого надеялись стать господствующей страной мира, покорить земной шар и как ближайшую цель заполучить Юго-Восточную Азию.

1960 год был переломным рубежом в советско-китайских отношениях. В этот год руководство КПК открыто, без маскировки стало проводить антисоветский курс, отступать от обязательств по Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. Все это стало прелюдией к тому, чтобы поставить под сомнение правомерность существующей государственной границы между СССР и КНР, разжечь антисоветские настроения среди китайского народа, имея в виду перспективу более широкой борьбы с Советским Союзом.

Пекин не ограничивался словесными и бумажными выпадами против СССР — он приступил к организации провокаций на границе. Сначала такие неблаговидные действия были организованы в районе перевалов Буз-Айгыр и Берте. Китайские власти послали скотоводов на нашу территорию пасти скот, приказав им в случае противодействия со стороны советских пограничников утверждать, что-де «многие китайские скотоводы родились в этом районе», что там «похоронены их предки», следовательно, доказывать, что это земля их предков.

После этого случая нарушения границы стали принимать систематический характер. В 1960 г. их было около сотни, а в 1962 г. было зарегистрировано более 5000, причем они совершались как гражданскими лицами, так и военнослужащими. С июня 1962 г. нарушения стали носить демонстративно провокационный характер. В 1963—1964 гг. количество нарушений со стороны КНР еще более увеличилось. За один только 1963 год число китайских граждан, принимавших участие в нарушениях, превысило 100 тыс. человек.

В ходе начавшейся переписки между СССР и КНР по пограничным вопросам китайская сторона в ноте от 27 сентября 1963 г. подняла вопрос «о неравноправных договорах». В ответной ноте от 21 ноября того же года МИД СССР вновь повторил, что уже в первые годы после Октября Страна Советов аннулировала все неравноправные договоры, навязанные Китаю царской Россией самостоятельно или совместно с империалистическими державами, и стала строить отношения с Китаем на основе полного равенства и взаимного суверенитета. Но логика китайским гегемонистам не нужна — нужен повод для оправдания своей провокационной деятельности. За неимением фактов они прибегли к фальсификации. «Перепутать факты возможно в припадке страсти, но чтобы фальсифицировать факты, — для этого нужна холодная, трезвая голова» [1], — писал Карл Маркс об английском правительстве и прессе накануне очередной военной операции против Китая в сентябре 1859 г. Ныне эта оценка полностью может быть адресована Пекину, ибо у китайских руководителей подготовлен тщательно продуманный план.

В 60-х годах ЦК КПСС и Советское правительство неоднократно обращались к руководству Китая с предложением о нормализации как межпартийных, так и межгосударственных отношений, которые год от года становились хуже, но всякий раз советские инициативы наталкивались на глухую стену. Китайские официальные лица либо не отвечали на советские призывы, либо со-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 540.

провождали свои ответы новыми претензиями и грубостью. 10 июля 1964 г. Мао Цзэдун в беседе с делегацией японских социалистов заявил: «Примерно сто лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России, и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не представляли счета по этому реестру». Официальные китайские представители угрожали «подумать о других путях разрешения территориального вопроса» и заявляли о своем намерении «восстановить исторические права».

Продолжая провокационную политику нагнетания напряженности в советско-китайских отношениях, китайское правительство дошло до того, что в марте 1969 г. организовало вооруженные нападения на советских пограничников, несущих службу по охране государственной границы.

Утром 2 марта пост наблюдения заметил нарушение советской границы на реке Уссури примерно 30 китайскими военнослужащими. Группа советских пограничников во главе с офицером направилась к нарушителям с намерением, как это бывало ранее, заявить протест и потребовать, чтобы они покинули советскую территорию. Китайские военнослужащие подпустили советских пограничников на расстояние нескольких метров, а затем внезапно, без всякого предупреждения, в упор открыли по ним огонь.

Одновременно из засады, куда китайские солдаты ранее скрытно выдвинулись под прикрытием темноты, и с китайского берега был открыт огонь из орудий, минометов и автоматического оружия по находившейся возле советского берега другой группе советских пограничников, которые приняли бой и при поддержке соседней погранзаставы изгнали нарушителей с советской территории. Это вероломное нападение привело к тому, что с обеих сторон были убитые и раненые.

Несмотря на предупреждение Советского правительства и призыв воздерживаться от подобных провокаций, 14 и 15 марта в этом же районе китайской стороной были предприняты новые попытки вооруженного вторжения в пределы Советского Союза. Подразделения регулярной китайской армии, поддержанные орудийным и минометным огнем, атаковали советские пограничные

войска, охранявшие рубеж. Нападение было решительно отбито, и нарушители отброшены с советской территории. Эта провокация китайской стороны вызвала новые жертвы [1].

Советское правительство решительно осудило провокации на своих дальневосточных границах и вновь высказалось за принятие практических мер по нормализации отношений и обстановки на советско-китайской границе. И опять молчание официального Пекина. Почти два месяца китайское правительство не отвечало на советское заявление. И это в условиях напряженности, чреватой новыми конфликтами. Только 24 мая 1969 г. китайцы ответили на советское заявление. Ответ показал, что его авторы отнюдь не заинтересованы в решении возникших вопросов, а, напротив, ставят своей целью дальнейшее обострение советско-китайских отношений. В нем выдвигалось абсурдное требование о признании «неравноправного характера» договоров, определяющих границу между СССР и КНР, делались попытки обосновать притязания на исконные советские земли.

В выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. Л. И. Брежнев следующим образом выразил отношение ЦК КПСС и Советского правительства к этому документу: «... заявление правительства КНР ни по своему содержанию, ни по своему духу никак не может быть названо конструктивным. Этот пространный документ полон исторических фальсификаций, извращений фактов современности, полон грубых враждебных выпадов против Советской страны. Он повторяет необоснованные претензии территориального характера к Советскому Союзу, и мы решительно отвергаем эти претензии» [2].

Маоисты продолжали нагнетать напряженность на границе, все шире разжигать военную истерию и психоз в стране. С июня до середины августа 1969 г. было отмечено 488 случаев преднамеренного нарушения границы СССР и организации со стороны КНР вооруженных инцидентов с участием свыше 2,5 тыс. китайских граждан.

---

[1] См.: Заявление правительства СССР от 29 марта 1969 г.— Правда, 1969, 30 марта.

[2] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 72.

Особое место среди пограничных провокаций Пекина занял вооруженный инцидент 13 августа 1969 г. в районе населенного пункта Жаланашколь в Семипалатинской области. Это была крупнейшая после 2 марта 1969 г. акция маоистов, с которой они связывали далеко идущие надежды и планы. Здесь они рассчитывали взять реванш за поражения во всех предшествовавших налетах на советскую территорию. Однако реальная действительность сорвала расчеты. У Жаланашколя маоистские провокаторы потерпели сокрушительное поражение, со всей полнотой ощутили суровость возмездия за попытки посягнуть на территориальную целостность Советского государства.

Поражение у Жаланашколя явилось для Пекина не просто неудачей в одной из пограничных стычек. Оно как бы подводило черту под целой серией бесплодных попыток довести теоретические лозунги и призывы до конкретных практических действий. Уроки и бесперспективность вооруженных провокаций заставили пекинских лидеров пойти на встречу руководителей двух стран.

11 сентября 1969 г. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин встретился с премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем в Пекине и в беседе, длившейся три с половиной часа, обсудил с ним вопросы восстановления нормального положения на границе, обмена послами, активизации экономических связей и ряд других. Несмотря на кратковременность переговоров, в общей форме была достигнута договоренность о том, что обе страны предпримут шаги для нормализации межгосударственных отношений. Главы правительств были едины в том, что обе делегации, начиная переговоры, должны руководствоваться следующими основополагающими принципами: урегулирование пограничных вопросов осуществляется на основе действующих русско-китайских договорных документов; стороны не имеют никаких территориальных претензий друг к другу и будут строго соблюдать статус-кво на границе. Во время встречи были и расхождения во взглядах. Это касалось выдвинутых китайским премьером «спорных районов», развода вооруженных сил от линии границы в них и порядка ведения хозяйственной деятельности в тех же районах.

Разность точек зрения была зафиксирована и в последующих письмах. Так, в письме Чжоу Эньлая А. Н. Косыгину сразу после встречи указывалось: «...вопрос о китайско-советской границе должен быть решен путем мирных переговоров, а до его разрешения каждая из сторон предпримет временные меры по нормализации обстановки на границе и избежанию вооруженных конфликтов». В письме указывалось, что главы правительств во время встречи лишь «обменялись мнениями» по этим вопросам. На свое предложение о признании «спорных районов» и осуществления в них «вывода из соприкосновения» вооруженных сил автор письма ожидал подтверждения советской стороны и только после этого полагал, что «они станут договоренностью между обоими правительствами» [1].

Очевидно, не стремясь к успешному завершению переговоров, китайская сторона перед встречей по пограничным вопросам опубликовала 7 и 8 октября 1969 г. документы, в которых повторялись беспочвенные утверждения о том, что договоры, определяющие нынешнюю границу между СССР и КНР, якобы являются неравноправными. В них заявлялось, что борьба между Китаем и Советским Союзом «будет продолжаться в течение длительного времени».

Переговоры начались в Пекине 20 октября 1969 г., но вскоре зашли в тупик, поскольку китайская сторона, ссылаясь на несуществующую «договоренность глав правительств», стала требовать признания «спорных районов» на территории СССР и «развода войск из соприкосновения в спорных районах». Вопрос о «спорных районах» готовился маоистами давно. Еще в 1964 г. во время консультаций по пограничным вопросам делегации обменялись топографическими картами. При их сличении обнаружилось, что на китайских картах целый ряд участков советской территории отнесен к КНР, а граница на этих участках обозначена в глубине территории СССР, за той линией, которую советские пограничники охраняли с момента создания Советского государства. Именно эти участки советской территории Пекин объявил спорными.

В начале 1970 г. Л. И. Брежнев, выступая на торжественном заседании в Харькове, дал четкую характеристику советской позиции и положению на переговорах. Он говорил: «Как вы знаете, вопрос о нормализации положения на советско-китайской границе стал предметом переговоров с правительством КНР. Советский Союз занимает на этих переговорах ясную и недвусмысленную

[1] Правда, 1978, 1 апр.

позицию. Мы считаем необходимым достигнуть соглашения, которое превратило бы советско-китайскую границу в линию добрососедства, а не вражды...

Мы твердо исходим из того, что долговременные интересы советского и китайского народов не только не противоречат друг другу, но и совпадают. В то же время мы не закрываем глаза на то, что вокруг происходящих переговоров в Китае искусственно создается обстановка, которая никак не может содействовать их успеху. В самом деле, кто может всерьез утверждать, что раздувание антисоветского военного психоза и призывы к населению Китая вести подготовку к «войне и голоду» содействуют успеху переговоров? Если это делается, чтобы оказать давление на Советский Союз, то можно заранее сказать, что усилия тут тратятся попусту. Нервы у нашего народа крепкие, о чем не мешало бы уже знать организаторам военной истерии в Китае» [1].

На различных этапах переговоров СССР внес несколько проектов соглашения, а также другие конструктивные предложения. Так, 8 июля 1970 г. в письме Председателя Совета Министров СССР премьеру Государственного совета КНР предлагалось рассмотреть прохождение линии советско-китайской границы на ее восточном участке, организовать новую встречу глав правительств. Тогда же было предложено, чтобы оба правительства сделали общее публичное заявление, записав в нем, что обе стороны не имеют территориальных претензий друг к другу, твердо намерены сохранять статус-кво и нормальную обстановку на границе, что ни у Советского Союза, ни у Китая нет намерения вести переговоры с использованием угрозы силой. Таких предложений было много. Но всякий раз китайская сторона отвергала эти конструктивные, полные заботы предложения о спокойствии на советско-китайской границе, об улучшении отношений между двумя странами, о безопасности в Азии. Зато продолжались выпуски всевозможных фальшивок.

При обосновании своих амбиций в Пекине широко используется концепция вымышленной единой китайской нации, включающей якобы монголов, маньчжуров (чжурчженей) и т. д. Китайские фальсификаторы выдвигают тезис о праве наследования завоеваний богдыханов, то

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1973, т. 2, с. 542—543.

есть полностью порывают с марксистско-ленинскими принципами решения территориальных вопросов, становясь на антимарксистские и вообще на антидемократические позиции.

В попытках оправдать притязания на чужие земли китайские фальсификаторы прибегают к заведомой лжи. Известно, что Г. И. Невельской в 1850 г. не обнаружил никаких китайских поселений в низовьях Амура и основал там пост Российско-американской компании для торговли с рассеянными на большом пространстве местными и никому не подвластными жителями. В брошюре некоего Гу Юня «Неравноправные договоры в новой истории Китая», опубликованной в 1973 г. в Пекине, беззастенчиво утверждается, что в августе 1850 г. царские агрессоры захватили в нижнем течении Амура «крупный китайский город Мяоцзе и открыто переименовали его в Николаевск».

Этот же автор явно искажает историческую правду и со своих экспансионистских позиций трактует китайско-русские договоры о границе. Он бездоказательно, без научного исторического и правового анализа заявляет, что будто «русский империализм отнял у Китая более 1,5 млн. квадратных километров территории» по «неравноправным договорам»: Айгуньскому — 600 тыс. кв. км, Пекинскому — 400 тыс. кв. км, Чугучакскому — 440 тыс. кв. км и Илийскому (Петербургскому) — 70 тыс. кв. км.

В 1972 г. в Китае был издан «Атлас мира», в котором авторы собрали воедино все китайские фальсификации на тему о границе. За ним последовала шумная кампания в «обоснование» претензий. Затем китайская пропаганда по указаниям и с помощью официальных государственных деятелей «закрыла» социалистическое содружество, поставив Советский Союз в один ряд с первой империалистической державой — США, а затем на первое место среди стран, якобы создающих «угрозу войны в мире». Потом последовало утверждение, что СССР — «враг № 1» для Китая. И начались разговоры о постоянной «угрозе с Севера».

Важным направлением китайских фальсификаций истории России является преувеличение ее роли в колониальной политике капиталистических держав в Азии. Если ранее, в 50-х и даже в начале 60-х годов, китайские историки уделяли основное место освещению колониальной агрессии Англии, Франции и США, которые были

инициаторами и главной силой колониального закабаления Китая, то теперь, за последние 10—15 лет, маоистские фальсификаторы все больше трубят о России, и только о России, сознательно изображая ее главным «врагом» Китая и китайского народа. Они обходят факты, говорящие о том, что Россия не была инициатором «опиумных» войн и заключения неравноправных договоров с Китаем, не занималась вывозом из Китая рабочей силы, не использовала церковные миссии и миссионерскую деятельность для закабаления Китая и не ввозила в Китай опиум, как это делали другие державы.

В интересах своей нечистой политической игры маоисты и такую науку, как археология, превратили в оружие идеологической борьбы, сделав ее средством гегемонистской агрессивной политики, направленной против соседних государств, и прежде всего против Советского Союза. После перехода пекинского руководства на позиции ярого антисоветизма китайские археологи начали раскопки в районах, прилегающих к границам СССР, причем именно там, где имели место вооруженные провокации маоистов — непосредственно у наших границ на Уссури и Амуре, — опять-таки для «обоснования» территориальных претензий.

В Пекине за последние годы значительно активизировали пропаганду тезиса о том, что СССР будто бы борется за мировое господство и продолжает колониальную политику царской России. Они муссируют басни о «советском колониализме», распространяя небылицы об угнетении в СССР национальных республик. И уже с радостью хватаются за подобные выдумки, если их подадут из-за рубежа. В 1978 г. пекинское издательство «Синьхуа чубаньшэ» перевело с японского языка пасквиль некоего Курисимы с крикливым названием «Советская армия высаживает десант в Японии: третья мировая война», в потоке грязной клеветы которого есть «утверждение», будто бы нерусские народности Забайкалья подвергаются дискриминации и ищут защиты у китайцев. Распространяя всякого рода подстрекательские призывы, китайская пропаганда тщится столкнуть народы союзных республик с русским народом, разрушить тесные братские отношения между ними. Они не хотят понять, что с подобной ставкой на непрочность связей советских народов уже выступали их предшественники по претензиям на мировое господство в годы подготовки второй мировой

войны. Человечество помнит, чем кончили военные преступники, представ перед судом народов.

В связи с этим нельзя не сказать о том, что пекинские лидеры поддерживают территориальные претензии японских реваншистов к Советскому Союзу, что является одним из проявлений антисоветизма Пекина. Китайские руководители не только сами стремятся к экспансии, но и подстрекают к ней других, особенно если эта экспансия направлена против СССР.

На своих партийных съездах (IX, X, XI) пекинские лидеры подогревали шовинистический психоз, выдвигая антисоветские лозунги и призывы к войне, утверждали, что Советский Союз-де ратует за «превращение Китая в свою колонию», «хочет проглотить столь лакомый кусочек, как Китай», требует, чтобы Китай «отдал ему всю территорию к северу от Великой стены», «готовит нападение на Китай». И все это только для того, чтобы не посвященный в нечистые планы своих правителей китайский народ поддержал безудержную милитаризацию страны, подготовку к войне и терпел военно-бюрократический режим. На этой «основе» хотят попытаться послать одурманенного китайского солдата на захват советских земель.

Ярый антисоветизм политики китайского руководства уже привел Пекин в стан врагов мира и социализма, к союзу с самыми реакционными режимами мира. Сейчас лидеры КНР призывают все страны, в том числе и США, создать «самый широкий фронт борьбы» против СССР и других стран социализма. В него мыслят включить империалистов и реакционеров всех мастей. Свою позицию китайские фальсификаторы пытаются обосновать «опасностью Китая с Севера». О нелепости этой выдумки говорят хотя бы те факты, что советская сторона не раз предлагала китайской стороне нормализовать советско-китайские отношения на принципах мирного сосуществования. Китайская сторона знает, что Советский Союз готов в любое время к деловым переговорам в этих целях, а сама упорно проводит курс на их затягивание и срыв.

Что касается Советского Союза, то он твердо отстаивает дело мира, международной безопасности, добрососедские отношения со всеми странами, в том числе и с КНР. Враждебность к СССР, которую пекинские руководители сделали чуть ли не основой своего внешнеполитического курса, безусловно, не принесет дивидендов Китаю. Это

близорукая политика. Советский Союз — за налаживание добрых уважительных отношений с этой страной.

ЦК КПСС и Советское правительство, все советские люди, верные ленинской идее дружбы и сотрудничества между народами, не теряют надежды, что в Китае рано или поздно поймут, что маоистская политика конфронтации с соседними государствами противоречит интересам народов как соседних стран, так и самого китайского народа. Тем более ему не нужны гонка вооружений и непомерные военные расходы, которые пытаются взвалить на плечи китайских трудящихся нынешние руководители Китая. В мирном труде китайского народа его будущее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Границы между государствами формируются веками. Они, как правило, отражают пределы расселения различных народов, этнографически, экономически и в культурном отношении отличающихся друг от друга. В границах своей территории государство осуществляет свою власть, что является частью его суверенитета.

Границы России и Китая сложились давно. Еще в XVII в. русские первопроходцы начали освоение земель на Амуре и в Приамурье, в местах, где условия жизни человека были благоприятны. Обживание обширных районов юга Сибири и Дальнего Востока, малонаселенных тогда местными племенами, проходило в трудных условиях.

В XVIII—XIX вв. значительно усилились экономические и культурные связи Приамурья и Приморья с центральными районами России, они стали неотъемлемой частью Российского государства. Значительно увеличившееся население этих районов внесло большой вклад в развитие экономики, особенно в области сельского хозяйства, а также в развитие культуры. Появилась промышленность, были построены крупные города — Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Николаевск-на-Амуре и другие. Официальное признание Приамурья и Приморья русскими территориями получило отображение в русско-китайских договорах.

После Великой Октябрьской социалистической революции, следуя ленинскому указанию о том, что в Советскую Россию люди входят добровольно, сформировались и границы СССР, включившие земли бывшей России, народы которых пожелали остаться в пределах Российской Федерации. Вот уже 60 лет на этих землях строится коммунистическое общество.

Ныне Дальневосточный экономический район — самый обширный в СССР. В него входят Приморский и Хаба-

ровский края, Амурская, Сахалинская, Камчатская, Магаданская (с Чукотским национальным округом) области и Якутская АССР, площадь которых составляет 6 215 тыс. кв. км.

Богаты природные ресурсы Дальнего Востока. За годы Советской власти он из отсталой аграрной окраины превратился в мощный промышленный район. Заводы и фабрики Приморья сейчас выпускают промышленной продукции в 182 раза больше, чем до революции. Капиталовложения в экономическое строительство на Дальнем Востоке исчисляются миллиардами рублей.

Крупный шаг вперед сделал советский Дальний Восток в 10-й пятилетке. Решениями XXV съезда КПСС предусматривалось «обеспечить комплексное развитие хозяйства, увеличение добычи цветных, редких драгоценных металлов, производства продукции лесной, целлюлозно-бумажной и мебельной промышленности. Завершить сооружение Зейской ГЭС, развернуть строительство Бурейской ГЭС, ввести в действие первые агрегаты на Колымской ГЭС. Продолжить развитие и реконструкцию существующих портов: обновление флота, строительство глубоководного порта Восточный». Грандиозные планы по созданию Южно-Якутского территориально-производственного комплекса, освоению края в зоне Байкало-Амурской магистрали, по изучению полезных ископаемых и производственных сил района успешно выполняются. Успешно развивается сельское хозяйство.

Программа КПСС и планы Советского государства предусматривают дальнейшее обживание этого обширного экономического района.

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» предусматривается обеспечить на Дальнем Востоке «дальнейшее развитие цветной металлургии, нефтеперерабатывающей, рыбной, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Увеличить производство сои, риса и другой сельскохозяйственной продукции.

Развернуть работы по хозяйственному освоению зоны, тяготеющей к Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Завершить проектные работы по Удоканскому медному месторождению. Продолжить формирование Южно-Якутского территориально-производственного комплекса, завершить строительство угольного разреза,

обогатительной фабрики и первой очереди Нерюнгринской ГРЭС» [1].

К развитию края привлечены большие силы ученых. Ныне там действует Дальневосточный научный центр Академии наук СССР, имеющий широкую сеть научно-исследовательских институтов во Владивостоке и Хабаровске. Работают комплексные и специализированные институты на Сахалине, Камчатке, в Магадане.

В первое десятилетие существования Китайской Народной Республики китайские государственные и общественные органы и организации пограничных провинций тесно сотрудничали с соответствующими учреждениями областей и краев советского Дальнего Востока, изучали опыт социалистического строительства.

С отходом китайского руководства от согласованной линии международного движения коммунистических и рабочих партий националистическая группа в руководстве страной год от года усиливает претензии на советские земли. Китайские гегемонисты лживо утверждают, что многие районы советского Дальнего Востока когда-то были китайскими. Они вытравливают из сознания своего народа добрые чувства к великому советскому народу и откровенно готовят свою армию к войне против СССР.

Маоисты не только возвращаются к гоминьдановским претензиям 30 — начала 40-х годов на некоторые среднеазиатские территории СССР, но и выдвигают абсурдные претензии «на возврат» более 1,5 млн. кв. км якобы «потерянных» территорий, куда в древности и в средние века иногда проникали, а чаще всего даже не проникали китайские чиновники, торговцы и сборщики дани. И хотя в недалеком прошлом китайские руководители признавали недопустимость территориальных претензий, ныне в обоснование своих гегемонистских замашек они прибегают к ним. В октябре 1960 г. Чжоу Эньлай в беседе с американским публицистом Эдгаром Сноу говорил: «Если бы все стали сводить счеты, восходящие к далеким историческим временам, то в мире возник бы хаос...» И в этом случае «Соединенные Штаты пришлось бы тогда вновь подчинить английскому господству, поскольку они стали независимыми менее 200 лет назад». Именно к «хаосу», в котором все будет перевернуто «вверх дном», стремятся наследники Мао. Они хотят, используя эту су-

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 188.

масбродную идею, занять господствующее положение в мире.

Серьезную опасность миру представляет усиливающееся военно-политическое сближение США, Китая и Японии. «Ныне стало очевидным фактом, — подчеркивал Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, — что Китай выступает прямым пособником империализма в борьбе против стран социализма и освободительного движения народов»[1]. Военные приготовления империалистических держав и Китая сопровождаются активизацией идеологических диверсий и расширением «психологической» войны против СССР, других социалистических государств. Пропагандистская машина Запада и Пекина усиленно стремится сформировать извращенное представление о советской внешней политике, создать идеологическую ширму для своих агрессивных действий.

История и современность тысячами нитей связаны между собой. КПСС, Советское правительство, весь советский народ строго руководствуются заветами В. И. Ленина о необходимости поддержания постоянной бдительности. Они делают все, чтобы в нынешней сложной обстановке надежно обеспечивать обороноспособность страны, высокую боевую готовность Вооруженных Сил.

На постоянную заботу партии и правительства советские воины — наследники боевой славы героических старших поколений отвечают новыми успехами в боевой и политической подготовке, замечательными патриотическими починами. Как и все советские люди, они активно участвуют в социалистическом соревновании за выполнение исторических решений XXVI съезда КПСС.

Советские Вооруженные Силы в едином строю с армиями социалистических государств надежно оберегают революционные завоевания и мир на земле. Их боевое могущество сдерживает агрессивные устремления империализма и китайского гегемонизма. Решение этой насущной задачи зависит от уровня подготовки, морально-политических и боевых качеств солдат, сержантов и офицеров, их социальной ответственности за безопасность своих стран и защиту социализма.

---

[1] Правда, 1980, 2 сент.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава первая. Правда об отношениях с Китаем и формировании русско-китайской границы (XVII—XX вв.)	16
Открытие и освоение русскими землепроходцами дальневосточных земель	—
Захватнические действия цинского правительства против русских поселений	20
Заключение договоров между Россией и Китаем и развитие торговых связей	26
Русско-китайские отношения в XIX — начале XX в.	31
Глава вторая. Правда и пекинские вымыслы о советско-китайских отношениях	41
Советско-китайские отношения до образования Китайской Народной Республики (октябрь 1917 г. — октябрь 1949 г.)	—
Советско-китайские отношения после образования КНР (октябрь 1949 г. — июнь 1980 г.)	58
Заключение	73

Бутурлинов В. Ф. и др.

Б93 О советско-китайской границе: Правда и пекинские вымыслы/В. Ф. Бутурлинов, Г. К. Плотников, В. В. Чубаров. — М.: Воениздат, 1982. — 77 с.

10 к.

В брошюре рассказывается об освоении русскими людьми дальневосточных земель, о формировании русско-китайской границы в XVII — XX вв., об отношениях между Китаем и Советским Союзом в новейшее время. Разоблачаются попытки пекинских фальсификаторов обосновать китайские притязания на дальневосточные земли.

Рассчитана на массового читателя.

Б $\frac{11101-125}{068(02)-82}$ БЗ-94-10.81.0801000000. ББК 66.4(4/8) 5 Кит

БЗВ № 20 — 1980 г. — № 1 32 И

Василий Федорович Бутурлинов
Георгий Кузьмич Плотников
Вячеслав Валентинович Чубаров

О СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ

Правда и пекинские вымыслы

Редактор *А. С. Доманк*
Художник *Г. С. Богачев*
Художественный редактор *Н. Б. Попова*
Технический редактор *Г. Г. Митрофанова*
Корректор *М. С. Курзова*

ИБ № 2068

Сдано в набор 05.10.81. Подписано в печать 02.03.82.
Г-52666. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 2½. Усл. печ. л. 4,2. Усл. кр.-отт. 4,41.
Уч.-изд. л. 4,06. Тираж 200 000 экз. Изд. № 2/7631. Зак. 777.
Цена 10 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОТОВИТ К ВЫХОДУ В СВЕТ В 1982 ГОДУ СЛЕДУЮЩУЮ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ:

Боевое содружество (о советско-монгольском боевом содружестве)

В совместном труде Института военной истории Министерства обороны СССР и Института военно-научных исследований Министерства обороны МНР рассказывается о военном сотрудничестве Советской Армии и монгольской Народной армии.

Мужество и братство

Книга, созданная советскими и кубинскими историками, посвящена истории Революционных вооруженных сил Кубы, дружбе и боевому содружеству народов и армий Советского Союза и Республики Куба.

Восемнадцатая в сражениях за Родину

Книга о боевом пути славной 18-й армии, начальником политотдела которой был Леонид Ильич Брежнев.

Полевая академия

Военно-исторический очерк о Высших офицерских орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменных курсах «Выстрел» имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова.

Третья гвардейская танковая

Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии в годы Великой Отечественной войны.

Маковский А. А., Радченко Б. М. Каспийская Краснознаменная

Книга посвящена истории Каспийской Краснознаменной военной флотилии, ее вкладу в победу над врагом в Великой Отечественной войне.

10 к.